

«ВЕСТНИК СВЕТА» И «БЕСЫ» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«ВЕСТНИК СВЕТА»
И
«БЕСЫ»
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

**КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ
РОМАНОВ,**

*Его Императорское Высочество,
Великий Князь*

К. Р.

СТИХОТВОРЕНИЯ

A decorative flourish consisting of a horizontal line with a central floral or scroll-like ornament and small circles at the ends.

МОСКВА
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНД РСФСР
1991

ББК 84 Р1—5
Р-69

Вступительная статья *Юрия Никоничева*
Составление *Юрия Никоничева, Елены Панфиловой*

Р 69 Романов К. К. Стихотворения. — М.: Литфонд
РСФСР, 1991. — 208 с.

84 Р1

Лирическое творчество Великого Князя Константина Романова (1858—1915) — имеет глубокое святое назначение. «Эта муза — что-то невероятное, — писал о творчестве К. Р. один из критиков того времени, — никто бы, кажется, не поверил в ее возможности, если бы она не существовала». Внук императора Николая I, верой и правдой служил в течении всей своей жизни не только высокородным родственникам — императорам России Александру II, Александру III, Николаю II, — но и русскому народу, русской науке и русскому искусству. Стихами «августейшего поэта» восхищались А. Фет, А. Майков, Я. Полонский и многие другие.

К сожалению, имя поэта до сей поры было совершенно неизвестно советскому читателю, поскольку в советский период стихи Великого Князя, естественно, не издавались.

Книга рассчитана для широкого круга любителей русской поэзии.

Р 4702010102—19 Без объявления
587(03)—91

ISBN 5—85320—019—4

© Литфонд РСФСР
© Составление, оформление,
предисловие «Детектив», 1991

«ВЕСТНИК СВЕТА» И «БЕСЫ» РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Узнав о смерти Некрасова и проведя за чтением его стихов бессонную ночь, мог ли предполагать Достоевский, что, когда он скажет в своей надгробной речи о том, что Некрасова как поэта можно поставить сразу же вслед за Пушкиным и Лермонтовым, выступление его будет прервано, вырвавшимися из многотысячной толпы, недвольными и яростными криками: «Выше! Выше!».

Возможно, в те минуты декабрьского дня 1877 года великий писатель земли русской, прошедший адомы круги человеческого пребывания в мире и уверовавший в спасение души только через восприятие божественного промысла и сердечного проникновения в догматы православной религиозности, понял, сколь поспешно и неразумно он вознес на престол отечественной поэзии образ умершего поэта, чье творчество и высших своих политизированных проявлений необратимо затмило в сознании читающей публики нравственно-эстетические прозрения «солнца русской поэзии».

Целостное приравнение творческой деятельности Некрасова к титаническим деяниям гениев отечественной словесности явилось несомненной и трагической ошибкой Достоевского, поскольку оно в корне противоречило его глубинному выстраданному пониманию созидательной роли художника и творца в человеческом сообществе. Обнаженная социальность стихов Некрасова, их шумная и глубокая популярность у взыскующих справедливости людей, находящихся на более низких ступенях сословной иерархии, была воспринята Достоевским прежде всего

как глас «униженных и оскорбленных», в звуках которого он не различил озлобленности и отрицания той «красоты», которая обречена была, по его мнению, «спасти мир». Увлеченный внешними содержательными приметами «музы скорби и печали», Достоевский не заметил того, что она является всего лишь однозным воплощением революционной экстремы Белинского, против которой он восставал всем своим художественным бытием. Идеи прагматического критика, поверхностно усвоившего откровения западных философов, получили ту форму поэтической яркости и расцвета в стихах Некрасова и ту степень социально-политической казуистики, которые заставили даже Достоевского — провозглашателя «всемирной отзывчивости» художественного дара — временно отступить от своих эстетических воззрений.

Три с лишком десятилетия тому назад «неистовый Виссарион», снедаемый безудержным пафосом самоуверждения и безуспешно устанавливавший личностный диктат в сфере отечественной мысли, категорически призывал молодых литераторов, уже успевших по инициативе самого критика объединиться под крышей «натуральной школы», к коренному преобразованию российской жизни через тотальное отрицание всех ее органических духовных ипостасей. И этот путь обновления должен был пролегать, по его мнению, только через революцию, страшное течение которой он себе явственно представлял: «...смешно и думать, что это может делаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови». Призывая к «насильственному перевороту», Белинский диктаторски подавлял созерцательную сущность, художественного творчества своих современников и, в конце концов, добился цели, окончательно политизировав их суверенное эстетическое мышление. Фанатичный и доводящий до логического завершения воспринятые им идеи, Белинский не щадил и собственного самолюбия: «...глуп я был, — писал он в порыве откровения В. Боткину, —

с моею художественностью, из-за которой не понимал, что такое содержание».

«Содержательная» цель поставленная перед русской литературой Белинским и выраженная им с выдающимся критическим темпераментом, явилась своеобразной путеводной звездой для многих русских писателей в их практической деятельности в течение многих десятилетий. Ангажированные революционной экстремой Белинского, они были пассивными резонаторами его антиэстетических воззрений и даже самые способные из них не избежали этой плачевной участи. Салтыков-Щедрин, со свойственной ему безапелляционностью, утверждал, что «литература и пропаганда одно и то же», Чернышевский же в своей магистерской диссертации объявил, что вынесение «приговора» — одна из важнейших социально значимых функций искусства», а ортодоксальный ученик Белинского Некрасов декларировал право поэта «проповедовать любовь враждебным словом отрицанья». Таким образом, охваченные революционным пафосом преобразования, верные последователи «неистового Виссариона» вместо того, чтобы возделывать поле унаследованной ими русской словесности, выстроили здание суда на этом поле, где и «радели» за «униженный» народ, пребывая в нем адвокатами и судьями, а чаще всего «прокурорами общественной жизни», по восторженному замечанию одного из прогрессивных критиков.

В недрах российской жизни вызревала, не без воздействия популяризаторов западной философской мысли, порочная классовая психология, раздирающая единую великодержавную нацию, состоявшую из кровно связанных патриархальных сословий, на противостоящие друг другу социально-непримиримые группы, и раскалывающая единое эстетическое сознание нации, следствием чего явилось возникновение абсурдистских споров о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в литературе, которые носили явно характер политической борьбы, весьма далекой

от художественного самоосознания, стремительно набирающего мощь и силу, русского народа.

Ни Пушкин, ни Гоголь и представить себе не могли, что со временем их имена послужат материалом для зашоренных дефиниций Белинского, который со страстью фанатичного патологоанатома расчленял живое тело русской культуры, который не остановился даже в священном трепете перед творчеством Пушкина, притаенно, но упорно укоряя художника за совершенную гармоничность и эстетизм. Примером разъедающего влияния идей Белинского может служить судьба гениального самородка Кольцова, который, оказавшись во власти подавляющей и все отрицающей атмосферы «неистового Виссариона», не закаленный духовно, пошел вслед за его указующим перстом и, отстранившись от созерцательного воспевания русского мира, стал писать невыразительные тенденциозные «Думы». Полное эстетическое вырождение получили идеи Белинского в критической практике фантома русской словесности Писарева, без оглядки на учителя предавшего еще более жесткому остракизму поэзию Пушкина, поскольку он не смог обнаружить в ней «полезных» идей, которые могли бы способствовать разрешению насущных революционных задач.

На этом фоне тотального уничтожения «чистого искусства» стихотворная деятельность Некрасова, перенасыщенная «полезными» идеями, не могла не заставить содрогнуться настрадавшуюся душу Достоевского. Продвижение Некрасова в первые русские поэты методично и упорно проводилось влиятельными среди молодежи Чернышевским и Добролюбовым. Семинарские воспитанники, отрекшиеся от бога, они прекрасно понимали, что Некрасов является поэтическим выразителем заветов Белинского и что, поддерживая поэта, они тем самым не только ублажают самолюбие своего редактора, но и активно проводят литературную политику Белинского. Они также отдавали должное восприимчивости Некрасова, ко-

торый весьма стремительно пределал путь от посредственного водевилиста Перепельского до «певца народной скорби» и воистину обладал могучим стихотворным публицистическим даром. В угоду тенденциозным задачам, выдвинутым в литературно-критических работах Чернышевского и Добролюбова, к тому же более экстремистским, нежели задачи, поставленные ранее самим Белинским, Некрасов с энтузиазмом писал, за редким исключением, не художественные стихотворения, а социально-обличительные тексты. Как весьма практический человек и тонко чувствующий конъюнктуру редактор, он был твердо уверен в том, что только такая стихотворная публицистика найдет дорогу к широкой публике, очень не требовательной в своих художественных притязаниях, но страстно желавшей взбодрить себя не опасным фрондерством по отношению к государственному правлению императора Николая Первого.

«Мне борьба мешала быть поэтом», «Нет в тебе поэзии свободной, Мой суровый, неуклюжий стих», — изредка драматически вскрикивал Некрасов, до отчаянности понимая, что он идет ложной дорогой. И кто знает, как бы по-настоящему сложилась судьба Некрасова, если бы он не подпал под влияние Белинского, если бы смог выдержать духовный пресс мрачного сатира Салтыкова-Щедрина? Эти «бесы» отрицания постоянно искушали его местными похвалами, твердили ему о противоположности его стихам эстетического блеска, развили в нем до предела раковую опухоль собственного поэтического крело: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан!».

И все же, несмотря на прокрустово ложе теорий своих друзей, поэтический дар Некрасова прорывался в таких лирических шедеврах, как «Рыцарь на час», или «Внимая ужасам войны». Ведь ранний Некрасов, создавший романтический сборник «Мечты и звуки», и поздний Некрасов, перед лицом смерти написавший пронзитель-

ные «Последние элегии», честно сторонился «полезных» идей, поскольку неосознанно желал быть ближе не к государству, а к человеку. О том, что Некрасов все же еще сохранил в себе чистый, незамутненный «полезными» идеями, художественный дар, свидетельствовала его постоянно возникающая эстетическая тяга к так называемой «чистой поэзии», о которой он, не в пример своим друзьям-семинаристам, писал с искренним восторгом. В статье «Русские второстепенные поэты» он извлек из забвения поэзию великого Тютчева, а в более позднее время высочайшим образом оценил лирические откровения Фета, поставив его художественное дарование сразу же вслед за Пушкиным. Подобные критические реверансы со стороны Некрасова не являлись лишь тактическими соображениями редактора «Современника», а скорее всего, они были естественным и органическим порывом могучих творческих потенций Некрасова, стесненно чувствующих себя в веригах «полезных» идей. Некрасов был первым великим русским поэтом, который предал свой художественный дар во имя абстрактных идей революционного переустройства русской жизни. Через несколько десятилетий по стопам Некрасова пойдет уже иной творец — поэт советской эпохи Маяковский, пытавшийся сбросить Пушкина с «корабля современности», а к своему непосредственному предтече обращавшийся в стихотворении «Юбилейное» со свойственной ему хамоватостью: «А Некрасов Коля, сын покойного Алеши, — он и в карты, он и в стих, и так неплох на вид». То, что для Некрасова являлось поводом к трагическим размышлениям об истинности и праведности избранного пути в литературе, то для его нигилистического потомка было лишь поводом для фарса. «Я бы и агитки вам доверить мог», — так в том «Юбилейном» посмеивался над Пушкиным Маяковский.

В конце сороковых годов XIX века Жуковский писал: «Теперь поэзия служит мелкому эгоизму; она покинула

свой идеальный мир и, вмешавшись в толпу, потворствует ее страстям, льстит ее деспотическому буйству и, променяв таинственное святилище храма (к которому доступ бывает отворен одним только посвященным) на шумную торговую площадь, поет возмутительные песни толпящимся на ней партиям». Эти пророческие слова Жуковского очень точно охарактеризовали поэтическую ситуацию в русском обществе, которая со временем становилась все более жестокой и политизированной и активно отвергала проявления так называемой «чистой поэзии», представители которой следовали прежде всего пушкинскому завету:

Не для борьбы, не для волнения,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновения,
Для звуков сладких и молитв.

Если деградация эстетического и художественного вкуса парастала в геометрической прогрессии от Некрасова до Надсона, от Якубовича до Синегуба, неуклонно следовавшим принципам «гражданской» поэзии, то в стихах Апухтина и Майкова, Полонского и Фета читатель мог наряду с не столь явственной социальной проблематикой обнаружить и высокое эстетическое совершенство их произведений.

Физическая смерть Некрасова в 1877 году — этого великого поэтического ортодокса идеи служения искусства насущным задачам времени — дала возможность многим читателям увидеть сколь ничтожны и невыразительны «пропагандистские» стихи его последователей; но социальность и «полезность» пустили глубокие корни в сознании многих и многих современников и поэтому, хоть уже и не было непосредственного присутствия Некрасова в литературе, все же «чистым лирикам» с большим трудом удавалось преодолевать его влияние. Одним из пер-

вых в борьбе с Некрасовым был патриарх «чистой поэзии» Фет. Еще за десять лет до смерти своего противника он написал стихотворение «Псевдопоэт»:

Влача по прихоти народа
В грязи низкопоклонный стих,
Ты слова гордого свобода
Ни разу сердцем не постиг,
Не возносился богомольно
Ты в освежающую мглу,
Где беззаветно лишь привольно
Свободной песне да орлу.

Резкие характеристики, данные «псевдопоэту», были выстраданы Афанасием Фетом, ибо он был вынужден молчать десятилетия, пока творцы «низкопоклонного стиха» энергично завоевывали умы и души нетребовательного читателя, а критика тем временем успешно дезориентировала его, вульгарно толкуя поэзию Фета и цинично высмеивая: «Со временем... продадут его пудами для оклеивания комнат под обои и для заворачивания сальных свечей, мещерского сыра и копченой рыбы. Г. Фет унижится таким образом до того, что в первый раз станет приносить своими произведениями некоторую долю практической пользы». Подобные суждения небезызвестного Писарева воспринимались уже в шестидесятых годах с полной серьезностью, и его принцип «полезности» искусства — «сапоги выше Шекспира» — получил опять же в творчестве Маяковского родственное развитие: «У меня гвоздь в башмаке кошмарней фантазии Гете». Какие все же курьезы бывают в истории, ведь как тут не вспомнить, что «отец народов», одобрявший высочайшей оценкой Маяковского, вышел из семьи сапожника...

Но предсказание Писарева не сбылось. «Чистая поэзия», особенно мощно явленная в лирике Фета, значи-

тельно выигрывала на фоне бескрылых опусов продолжателей «некрасовской» традиции — Трефолева и Дрожжина, Надсона и Фигнера и многих других. Эти поэты не обладали ни страстью, ни темпераментом своего предшественника, сжигавшего натуру в огне обличений и инвектив. Нетленная красота и внутренняя гармоничность «чистой поэзии», ее вечные темы, запечатленные в мелодических звуках полновесного русского слова, успешно противостояли озлобленным и сентиментально-желчным стихотворениям поэтов гражданского направления.

Под крылом патриархов «чистой поэзии» возросла целая плеяда стихотворцев, чей духовный и эстетический опыт основывался на исконном стремлении классической русской поэзии прежде всего обращаться не к суетному временному бытованию человека в мире, а к его отпологическим вечным ипостасям духа. Талантливые творения Цертелева и Голенищева-Кутузова, Льдова и Андреевского, находящегося в главном эстетическом русле русской поэзии, влекли читателя в сферу милосердия и экзистенциалистического созерцания и осмысления роли человеческой личности, ее внутреннего таинственного мира. Они не оплевывали усердно российскую действительность и не порицали ее, как это делали поэты «некрасовской» школы, они учили людей быть независимыми от обстоятельств жизни и судьбы. Но тлеп декадентства все же в значительной мере тронул стихи упомянутых авторов. Смертная истома устрашающего социального бытия проникала в поры их поэтических дарований и неуклонно вела к пассивному безвыходному самостоянию. В них уже не было той фетовской «свежести» духа, о которой восхищенно писал Толстой. Потом уже не без воздействия событий семидесятых и восьмидесятых годов С. Андреевский, — оригинальнейший поэт и критик — выразит свои чувства отчаяния и упадка в статье «Выврождение рифмы», где провозгласит конец поэтической эпохи, а по-

томка знаменитого дворянского рода Голенищева-Кутузова уже в эти годы назовут «поэтом смерти».

Подобные пессимистические настроения были отражением все возрастающего разрушительного воздействия революционных идей на граждан российского государства. Попранная проповедниками нигилизма Чернышевским и Добролюбовым «красота» русского мира не смогла уже более защитить умы молодежи, которая под воздействием их экстремистских установок встала на путь насилия: уже не словесного, а физического. Униженная эстетика породила бесчеловечную этику. В 1866 году прозвучал на всю Россию каракозовский выстрел, направленный в императора Александра II. Но это было только началом террористической деятельности агрессивно настроенной молодежи, воспитанной на революционной экстреме Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Через двенадцать лет революционерка Вера Засулич тяжело ранила петербургского градоначальника Трепова; в том же Петербурге был заколот кинжалом на Михайловской площади начальник тайной полиции генерал Мезенцев; за предание некоего Фомина в Харькове военному суду за попытку освободить политических заключенных исполнительный комитет «Народной воли» вынес смертный приговор губернатору, князю Кропоткину. И еще раньше, чем Фомин предстал перед судом, харьковский губернатор был убит Гольденбергом, подбеджавшим к его карете и выстрелившим в окно. В марте того же года пришла очередь жандармского полковника Кюппа, — рядом с его трупом в доме лежал приговор исполнительного комитета. 23-го марта в Москве был убит агент тайной полиции Рейнштейн. В тот же день в Петербурге было совершено покушение на преемника Мезенцева генерала Дрильтена. В апреле в Киеве застрелили губернатора, 10-го апреля уже в Архангельске был заколот кинжалом полицмейстер, а 14-го апреля некто Соловьев пять раз стрелял из револьвера в императора,

оставшегося по счастливой случайности живым. Красный террор набирал силу и размах. 26-го августа 1879 года исполнительный комитет приговорил Александра II к смерти. Через пять месяцев, 17-го февраля чудовищный взрыв потряс здание Зимнего дворца, когда императорская фамилия должна была войти в столовую. Император опять чудом остался жив, благодаря тому, что один из его гостей, князь болгарский, опоздал, но при этом террористическом акте было убито и ранено сорок солдат Финляндского полка. В ответ со стороны правительства следовали жесткие репрессии, но они уже не могли спасти императора от гибели. 1 марта 1881 года около трех часов на Екатерининском канале под карету была брошена бомба, убившая и ранившая казаков конвоя и нескольких прохожих. Александр II, оставшийся невредимым, вышел из кареты к раненым, и в этот самый момент ему была брошена под ноги еще одна бомба. Смертельно раненный, он умер в тот же день в своем дворце, не произнеся ни слова...

Кровавому времени нужен был поэт, не обостряющий политических конфликтов, исподволь подготовленных «бесами» русской жизни, а поэт, который бы возвестил умиротворяющую, утешительную истину добра, и указал выход из создавшейся трагической ситуации. Испепеляющий душу и сердце материалистический догматизм отцов нигилизма и провозглашателей западной философии, а также ожесточившаяся государственная власть, тщетно пытающаяся защитить себя, были органически чужды православному русскому народу, который не принимал и не понимал идущей бойни между революционерами и слугами царского трона.

Начиная с 1882 года и в последующие три десятилетия в печати стали появляться стихи и книги, автором которых был К. Р.:

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета —

Звездой мне служит путеводной Любовь и красота.

Так писал в 1887 году двадцатидевятилетний Великий Князь Константин Константинович Романов: внук императора Николая I, верой и правдой служивший в течение своей жизни не только своим высокородным родственникам — императорам Александру II, Александру III, Николаю II — но и русскому народу, русской науке и русскому искусству. «Любовь и красота» легли в основание его многотрудной и разнообразной просветительской деятельности. Подобно своему отцу, генерал-адмиралу Константину Николаевичу, он рано поступил на морскую службу и уже с двенадцати лет каждый летний сезон проводил на судах учебной эскадры Морского училища.

В 1875 году, произведенный в чин гардемарина, К. Р. на винтовом фрегате «Светлана» отправляется в дальнее плавание по Средиземноморью, а уже через год плавает по Атлантическому оксану, посещая порты Северо-американских Штатов. В 1877 году К. Р. принимает деятельное участие в начавшейся русско-турецкой войне. Находясь в опасной экспедиции, которая должна была почью поджечь турецкие коммерческие суда, К. Р. совершил боевой подвиг и был отмечен высшим знаком военного отличия — орденом Св. Георгия 4-ой степени. Лейтенант Дубасов, рапортуя об этой экспедиции начальству, писал: «Оценивая каждого из офицеров, большинство которых было первый раз под неприятельским огнем, я считаю долгом, прежде всего, упомянуть об Его Императорском Высочестве Великом Князе Константине Константиновиче, хладнокровие и распорядительность которого несомненно гораздо выше его лет и опытности; выполненное им поручение лучше всего, впрочем, говорит само за себя». По окончании войны К. Р. путешествует, посещая Алжир, Италию, Грецию, Палестину и Африку. В Афинах он написал свое самое знаменитое сти-

хотворение «Я баловень судьбы...», в котором, не тщеславясь тем, что в нем «царская струится кровь», жаждет лишь одного — «заслужить доверье и любовь» «родного православного народа». Поэта не прельщает «мишурный блеск» роскоши и власти, ибо не в этом, по его глубокому убеждению, истинное назначение «певца», который должен в столь драматическое время «немолчно» петь «песни русские». Монархическая идея в этом стихотворении представала в своем единственно-истинном толковании: в соединстве и в собратстве с православным народом, для которого монарх не более чем «царь-батюшка», — покровитель и радетель всех сословий.

Зимой 1883 года состоялась помолвка, а в конце января и бракосочетание К. Р. с принцессой Елизаветой Саксен-Альтенбургской, герцогиней Саксонской. Незадолго перед своей свадьбой К. Р. заступил на должность командира роты Измайловского полка. Служа в полку, он проникся сердечным участием к нелегкой службе солдат-измайловцев и написал о них немало превосходных стихотворений, впоследствии составивших цикл «Из полковой жизни». Одно из этих стихотворений, «Умер, бедняга», стало вскоре народной песней. Несмотря на то, что критика того времени причисляла К. Р. к «эстетам», сторонящимся действительных сторон простой жизни, сам поэт искренне любил русского солдата, но любил его без надрыва, без ложной, усердно нагнетаемой сентиментальности, как часто поступали поэты-некрасовцы. Описывая в стихотворении «Умер, бедняга» существующий неприглядный порядок похорон солдата, когда покойного обряжали в «старый мундир» и отпевали в госпитальной часовне, а потом взвод провожал лишь до первого поворота улицы одинокие дроги с гробом, следовавшие далее до могилы без сопровождения, где «люди чужие» предавали останки умершего земле, К. Р. с сердечной болью поведал об этом ритуале, ни словом, ни интонацией не выразив недовольства в стихо-

творении, потому что для него правда жизни, которую он изобразил, значила более, чем собственные гневные осуждения этой правды. Но уже как должностное лицо он предпринял все меры для пересмотра положения о солдатских похоронах, и вскоре были утверждены новые правила погребения нижних чинов. К. Р. не смешивал и не разделял в себе поэта и гражданина, разъединение которых в общественной и художественной деятельности революционными нигилистами и привело русское общество к столь драматическим ситуациям, он был прежде всего подданным своего Отечества, тем русским человеком, у которого слово и дело освящались «красотой» душевной и разумной.

В 1891 году К. Р. был произведен в полковники и назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка. Отслужив девять лет в полку он был назначен на высокую должность Главного начальника военно-учебных заведений. Здесь К. Р. показал себя заботливым и благожелательным попечителем. Он неофициально, подолгу знакомился с бытом учащихся, вникал в их досуг и учебу, был требовательным к руководству и сердечным по отношению к рядовому составу. Но более всего похвал заслужил К. Р., пребывая с 1899 года на посту Президента Императорской Академии Наук. По случаю столетия со дня рождения А. С. Пушкина Сенат издал указ об учреждении при Академии Наук «разряда изящной словесности», взамен существовавшей с времен Екатерины II Российской Академии. И уже 8-го января 1900 года были проведены первые выборы «пушкинских» академиков, которыми стали Л. Толстой, А. Потехин, А. Кони, А. Жемчужников, А. Голенищев-Кутузов, В. Соловьев, А. Чехов, В. Короленко. Подобный состав не может не свидетельствовать о широком и объективном взгляде на литературу самого Президента Академии Наук Велпкого Князя Константина Константиновича. Весьма характерной является его речь, произнесенная на заседании

академиков в Мраморном Дворце: «Во исполнение Высочайшей воли Государя Императора, столетие со дня рождения Пушкина ознаменовано учреждением разряда изящной словесности, составляющего одно нераздельное целое с отделением русского языка и словесности Императорской Академии Наук... Наш круг может и должен расти; но да будет этот рост постепенен и правилен, чтобы служить не в ущерб разряду изящной словесности, а к изящному его укреплению. От души выражаю пожелания, чтобы доблестный круг ваш расширялся не по веянию партийного духа, а под веянием строгой и осмыслительной разборчивости, в силу уважения к нравственному облику избираемого и всегда согласно с чуткою художественною совестью. Недаром Пушкин от истинного художника требовал «взыскательности» и суд его над самим собою считал высшим судом». В этом кратком и емком слове по сути изложена полная этическая и эстетическая программа К. Р. Призывая академиков к «осмотрительной осторожности», он не восставал против исканий и разнообразия в литературе, отрицая лишь «веяние партийного духа», следуя которому некоторые радикально-настроенные творцы создавали ортодоксальные произведения, в основе которых лежала ложная идея непримиримых социальных конфликтов, якобы единственно движущая человечество к благоденствию и гармонии.

Вплоть до самой смерти в 1915 году К. Р. неустанно принимал участие в отборе претендентов на получение Пушкинской премии. В многочисленных его отзывах, требовательных и тактичных, обнаруживается высокий литературный вкус и глубинная нравственная основа человека, бесконечно преданного русской классической литературе. Осуждая в стихах претендентов вычурность, смутность мысли, К. Р. горячо поддерживал стихи реалистичные, написанные звучным русским слогом. Так в 1909 году, обсуждая стихи Бунина, он отметил его не-

сомненный талант, но касаясь ныне довольно известного стихотворения «Одиночество», которое заканчивается строками: «Что ж, камин затоплю, буду пить, Хорошо бы собаку купить», — К. Р. написал: «... реализм иногда оказывает автору и плохие услуги, доходя чуть ли не до цинизма». Изысканному, безупречному вкусу К. Р. претила стилистика вульгарного толка и надменно-циничное отношение к женщине, которой К. Р. посвятил немало великолепных стихов.

Первый сборник «Стихотворения», изданный в 1886 году в количестве 1.000 экземпляров, К. Р. рассылал своим друзьям и тем, кого считал своими учителями, духовными вождями в литературе. Среди них были прежде всего Фет, А. Майков и Страхов. Эти литераторы придерживались в своих статьях и стихах взгляда на поэзию, как на служение святому делу, требовавшему незамутненного суетной жизнью вдохновенного чувства милосердия и любви, — любви к ближнему, к Богу, к женщине, к природе. А. Фет и А. Майков, прошедшие большую жизненную школу, ни словом не обмолвились о тяготах ее в своих стихах, ибо считали непозволительным присутствие в поэзии эгоцентрического начала, сосредоточение на котором непременно ведет не к благотворному сомнению, а к разъедающему душу скепсису. Строгий в оценках А. Фет восторженно принял книгу К. Р. Позднее стареющий поэт прислал К. Р. третий выпуск «Вечерних огней» с примечательной стихотворной надписью:

Трепетный факел, — с вечерним мерцаньем
Сна непробудного чужа истому, —
Немощеп силой, но горд упованьем
Вестнику света сдаю молодому...

Для Фета поэт К. Р. явился «вестником света»! В этом определении «светоносности» таланта своего младшего собрата по перу Фет оказался удивительно прозорливым.

При жизни о К. Р. чрезвычайно мало писали, и один из исследователей даже высказал предположение о том, что это связано с «высоким общественным положением поэта». Вполне возможно принять и такое объяснение, но причина, думается, скрыта более глубоко. К. Р. в полной мере не относился ни к одному из поэтических направлений, доминирующих в ту, как ныне называют, эпоху «поэтического безвременья». Насильственно затиснутый нашими современными критиками в прокрустово ложе «поэтов либерально-консервативной ориентации», отражающих теорию «чистого искусства», К. Р. по сути лишился как при жизни, так и после объективного и беспристрастного разбора. Да и позволительно ли было писать об «августейшем поэте» до недавнего времени? В «Истории русской поэзии» за 1969 год эти «две буквы» упомянуты лишь четыре раза, да и то мельком, в то время как его поэзия пользовалась широкой известностью и в России, и в Европе.

Поэтическое творчество К. Р. — это самоотверженное и сознательное несение гармонической ясности пушкинского начала в русской поэзии, которое так или иначе все же было деформировано даже в «чистой лирике» А. Фета, поскольку он уходил в экспрессионизм, в область музыки, где терялась реалистическая ясность, потом уже окончательно утраченная В. Соловьевым и гениальным А. Блоком. Любовь к Богу у К. Р. была не мистической, как у В. Соловьева, и несоциальной, как у А. Блока, а была она народной, то есть реальной и ощутимой в этой своей реальности. Бог для К. Р. был тем самым этическим идеалом, отсутствие которого превращает жизнь в пошлое и ничтожное существование. Д. Мережковский в своей интереснейшей работе «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе», написанной в 1892 году, призывая творцов «к сознательному литературному воплощению свободного божественного идеализма», даже словом не обмолвился о стихах

К. Р., в которых подобное «воплощение» присутствует как ни у кого из современных поэтов:

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о, друг! ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой..

«Бесы» русской литературы, а потом и «бесы» зарождающейся революции словом и пулей уничтожали тех, в ком «царская струилась кровь». И они весьма преуспели в этом. Но ни гневом, ни ненавистью не воспылала муза «августейшего поэта». Она просила лишь об одном:

Всех, которых пришел искупить
Ты своею Пречистою Кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!..

«Эта муза — что-то невероятное, — писал о творчестве К. Р. один из немногих тогда критиков, понявших ее глубокое святое назначение, — никто бы кажется не поверил в ее возможности, если бы она не существовала. Безграничное доброжелательство, всестороннее, лучистое, как свет; восхищение светлым миром спокойной жизни; избранные картины природы; роскошь и довольство; уныние, мгновенно готовое разрушиться улыбкою, — вот чем живет и дышит эта воркующая муза».

Пришел и наш теперь черед душой и сердцем воспринять голубиную ясность стихов большого русского поэта, — «вестника света».

К. Р.

КОНСТАНТИН
КОНСТАНТИНОВИЧ
РОМАНОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Задремали волпы,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.

Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.

1879

ПРОЩАНИЕ С НЕАПОЛЕМ

...Мы на далекий север уплывали;
В последний раз на небо голубое,
На голубые волны мы взирали...
— Прошло, прошло то время золотое!

А впереди синел простор безбрежный;
Залив пылал вдали в лучах заката,
И доносился чей-то голос нежный:
«O bella Napoli! O suo beato!»!

1881

ПСАЛМОПЕВЕЦ ДАВИД

О царь! скорбит душа твоя,
Томится и тоскует, —
Я буду петь: пусть песнь моя
Твою печаль врачует.

Пусть звуков арфы золотой
Святое песнопенье
Утешит дух унылый твой
И облегчит мученье.

Их человек создать не мог, —
Не от себя пою я:
Те песни мне внушает Бог,
Не петь их — не могу я!

О царь! ни звучный лязг мечей,
Ни юных дев лобзанья
Не заглушат тоски твоей
И жгучего страданья!

Но лишь души твоей больной
Святая песнь коснется, —
Мгновенно скорбь от песни той
Слезами изольется.

И вспрянет дух унылый твой,
О царь! и, торжествуя,
У ног твоих, властитель мой,
Пусть за тебя умру я.

Татой (близ Афин)
Сентябрь 1881

* * *

Земля пробудилась от долгого сна,
Явилась предвестница лета, —
О, как хороша ты, молодая весна!
Как сердце тобою согрето!

Люблю я простор этих ровных полей,
Люблю эти вешние воды!
Невольно в душе отразилась моей
Краса обновленной природы.

Но можно ль любить, когда все, к чему мы
Привязаны сердцем так нежно,
Замрет под холодным дыханьем зимы
И вьюгой завееется снежной?..

1882

* * *

Поймете ль вы те чудные мгновенья,
Когда нисходит в душу вдохновенье
И, зародившись, новой песни звук
В ней пробуждает столько тайных мук
И столько неземного восхищенья?
Те приступы восторженной любви,
Тот сокровенный творчества недуг —
Поймете ль вы?..

Я всю любовь, все лучшие стремленья,
Все, что волнует грудь в ночной тиши,
И все порывы пламенной души
Излил в свои стихотворенья...

Но если, бессознательно порою
Высокий долг поэта позабыв,
Пленялся я чарующей мечтою,
И звуков увлекал меня наплыв, —
Не осудите слабости случайной,
Души моей поймите голос тайный
Что может ум без сердца сотворить?

Я не умею петь без увлеченья
И не могу свои творенья
Холодному рассудку подчинить!..

Стрельна
13 июля 1882

ТЫ ПОБЕДИЛ, ГАЛИЛЕЯНИН!

Сраженный стрелой ассирийскою, пал
Кесарь, отступник Христова ученья;
В смертной тоске к небесам он воззвал:
Ты победил, Галилеянин!

Погиб Юлиан, враг Христова креста,
Церковь свободна от злого гоненья.
Снова воскликнули верных уста:
Ты победил, Галилеянин!

Расторгнем же сети порока и зла,
К свету воспрянем из тьмы усыпления;
Вновь да раздастся и наша хвала:
Ты победил, Галилеянин!

1882

НАДПИСЬ К КАРТИНЕ

С какою кротостью и скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час печали неизбежной
 Как бы предчувствует Она.

К груди Она Младенца прижимает
И Им любит, о Нем грустя...
Как Бог, Он взором вечность пронизает
 И беззаботен, как дитя.

1882

* * *

Опять снизошло на меня вдохновенье,
И звонкие струны рокочат опять:
Иль прежние снова вернулись волнения,
Иль снова я стану любить и страдать?

Нет, выдохлись старые, скучные песни,
Вы их от меня не услышите вновь.
Довыне дремавшая сила воскресни!
Воскресни, проснися иная любовь!

Любви безнадежной забота напрасна,
К чему тяготиться уныньем, тоской?
Взгляните, как жизнь хороша и прекрасна,
И сколько блаженства дано нам судьбой!

Гремите же струны! Полна увлеченья,
В честь жизни раздайся, о песня моя!
Забыв и печаль, и тоску, и мученья,
Живите и пользуйтесь жизнью, друзья!

ОТДОХНИ

Отдохни, отдохни! Совершая
Утомительный жизненный путь,
Ты устала, моя дорогая!
Не пора ли тебе отдохнуть?

Среди всякого зла и гоненья,
Всякой злобы и желчи людской
Не нашла ты себе утешенья
В этой грустной юдоли земной.

Как волна беспокойного моря,
Без тревоги ты жить не могла:
Если б даже и не было горя,
Ты сама бы его создала!

Но взглядишь: в нашей жизни печальной
Разве нет и хороших сторон?
Ведь не все слышен звон погребальный,
Раздается ж и радости звон.

Помирись же с судьбою суровой,
Горемычной земли не кляни
И, собираясь с силою новой,
Милый друг, отдохни, отдохни!

1882

ПИСЬМО

Вот я опять мы с тобою расстались,
Будем грустить друг без друга, скучать...
Дни золотые далеко умчались
И никогда не вернутся опять!

Ты в дорогое вернешься отечество:
Царскую службу, знакомых, друзей,
Дружной среды полковой молодечество
Снова найдешь ты с течением дней.

Но среди радостей севера дальнего
Вспомнишь, не правда ли, ты обо мне?
Вспомнишь, не правда ли, друга печального,
Жить обреченного в чуждой стране?

Вспомнишь, что прелести юга блестящего,
Небо лазурное, солнце, цветы —
Не веселят его сердца болящего;
Что все надежды, желанья, мечты,

Помыслы, чувства его и влечения
Вечно тоскуют по крае родном;
Вспомнишь, и все эти злые мучения
Верно откликнутся в сердце твоём.

Много ты в жизни понес огорчения,
Много печали и горя узнал, —
Я же лишь радости, лишь увлечения,
Лишь похвалы да удачи встречал.

Я родился под звездою счастливою,
Годы беспечно катились мои;
Но как осенней порою дождливою
Лета сменяются теплые дни, —

Так моя юная жизнь помрачилась;
Дух беззаботный окреп, возмужал,
Сердце впервые тревожно забилося,
Сладость и муки любви я узнал.

Что-то меня ожидает со временем?
Дней ли безоблачных светлая нить,
Иль под тяжелым мучительным бременем
Жизнь безотрадную буду влачить?

Что бы там ни было! Пусть упования
Сгинут, пускай разлетятся мечты,
Пусть не сбываются все ожидания,
Пусть среди этой земной пустоты

Я бы пигде не нашел облегчения, —
Лишь бы осталась мне дружба твоя:
В ней моя сила, мое утешение,
И на нее вся надежда моя!

О, сохрани же мне дружбу глубокую!
Я так нуждаюсь в дружбе твоей.
Вместе мы в будущность будем далекою,
Сильны друг другом, смотреть веселей.

1882

* * *

Умолкли рыдания бури кипучей,
Клокочущей бездны волна улеглась;
Опять выплывает луна из-за тучи,
Над гладью морской тишина разлилась.

В борьбе непрестанной с мятежною страстью
Опять побежден пенасытный недуг, —
И с новою силой, и с новою властью
Воспрянет опять торжествующий дух!

1883

СФИНКС

В знойной пустыне веками покоится сфинкс полногрудый,
Гордо главу приподняв и очей неподвижные взоры
В даль устремив беспредельную... Только песчаные груды
Всюду вокруг разостлалися в необозримом просторе...
— Кем ты воздвигнут, незыблемый страж раскаленной
пустыни?

Кто твои мощные члены изваял рукой безыскусной?
Что за значенье придал твоей он недвижной твердыне?
И отчего улыбаешься ты так загадочно-грустно?
Древнее ходит сказанье о том, как в Египте бежала
Божия Мать с Младенцем Божественным из
Палестины.

Был утомителен путь. С голубой вышины обливало
Знойное солнце лучами поверхность печаной равнины.
Между гранитными лапами сфинкса Она приютилась;
Идол, своими объятьями тень расстилая над Нею,
Зной умерял нестерпимый. И вот незаметно спустилась
Тихая звездная ночь, безмятежно спокойно синяя.
Сладостным сном позабылася Мать у подножья кумира,
И на руках у Нее Искупитель покоился мира...
Сфинкс ощутил неземного Создания прикосновение,

И улыбнулся он, тайну, пытаюсь постичь искупленья...
Не оттого ли, поведай, пустыни жилец одинокий,
Не оттого ли еще до сих пор отпечаток глубокий
Той неразгаданной тайны твои сохраняет черты,
И через много веков еще все улыбаешься ты?

Афины

9 января 1883

НАДПИСЬ В ЕВАНГЕЛИЕ

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются, —
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Афины
2 апреля 1883

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величью я призван.
— Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотит весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск.

Есть дар иной, божественный, бесценный,
Он в жизни для меня всего святей,
И ни одно сокровище вселенной
Не заменит его душе моей:
То песнь моя! — Пускай прольются звуки
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!
Когда же звуки песни вдохновенной

Достигнут человеческих сердец,
Тогда я смело славы заслуженной
Приму неувядаемый венец.

Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь, —
Но тем, что песни русские, родные
Я буду петь немолчно, до конца,
И что во славу матушки России
Священный подвиг совершу певца.

Афины

4 апреля 1883

ИЗ «ПИСЕМ ПРО АЛЫЕ ЦВЕТЫ»

*Королеве Эллинов
Ольге Константиновне*

Опять те алые цветы
По-прежнему твой взор пленяют,
И воскрешая о былом мечты,
Тебе меня, мой друг, напоминают.
Ты думаешь, что в горести немой —
Свидетели тех дней, когда с тобой
Вдвоем мы по саду бродили, —
Они, в разлуке сетуя со мной,
Головки нежные склонили?
О, нет, не обо мне они скучают!
Давно меня забыли те цветы:
Но чувствуют они и понимают,
Что день и ночь, всю жизнь горюешь ты
По дорогой отчизне: что не может
Их прелесть заменить тебе цветов,
Под пеленою северных снегов
Рожденных; что тебя всечасно гложет
Тоска по родине... Они грустят
И знают, что тебе твоя Россия
Дороже, чем блестящий их паряд,
Чем страны нежные, тебе чужие;

Что пламенея знойно и светло,
Где ярче небосклон синее,
Взрастившее их солнце не пригреет
Тебя так нежно и тепло,
Как севера холодное светило,
И никогда ничто в земле чужой
Тебе не будет, как в стране родной,
Так близко, дорого и мило!

Стрельна
26 июля 1883

ИЗ АПОКАЛИПСИСА

И. А. Зеленому

...Се стою при дверех и толку:
аще кто услышитъ глас мой, и
отверзаетъ двери, вниду к нему,
и вечеряю с нимъ, и той со мною,
Ш, 20

Стучася, у двери твоей Я стою:
Впусти Меня в келью свою!
Я немощен, наг, утомлен и убог,
И труден Мой путь и далек.
Считаюсь Я по миру беден и нищ,
Стучуся у многих жилищ:
Кто глас Мой услышит, кто дверь отперет,
К себе кто Меня призовет, —
К тому Я войду и того возлюблю,
И вечерю с ним разделю.
Ты слаб, изнемог ты в труде и борьбе, —
Я силы прибавлю тебе;
Ты плачешь, — последние слезы с очей
Сотру Я рукою Моей,
И буду в печали тебя утешать,
И сяду с тобой вечерять...
Стучася у двери твоей Я стою,
Впусти меня в келью свою!

Усть-Нарова
Август 1883

* * *

Я вам не нравлюсь... Вы любите
Лишь дружбу, не любовь мою;
Мои надежды вы сгубили, —
И все-таки я вас люблю!

Когда же после, как-нибудь,
Поймете вы мои мученья,
И незаметно в вашу грудь
Проникнет капля сожаленья, —

То будет поздно... Расцветают
Лишь раз весенние цветы:
Уж сердца вновь не приласкают
Перестрадавшие мечты.

1883

* * *

Давно забытая под слоем пыли
Умолкла лира... Песни молодые,
Созвучья вдохновенные застыли,
И порвались струны золотые.

Была пора... Со мною то же было,
Недугом тягостным душа болела,
И все в ней лучшее дремало, стыло...
Любить, надеяться она не смела...

Но день придет! Вернется вдохновенье,
Вновь порванные струны натяну я,
И вновь мое раздастся песнопенье,
Денницу новой жизни торжествуя.

1883

Повеяло чермухой,
Проснулся соловей,
Уж песнью заливаётся
Он в зелени ветвей.
Учи меня, соловушко,
Искусству твоему.
Пусть песнь твою волшебную
Прочувствую, пойму.
Пусть раздаётся песнь моя
Могуча и сильна,
Пусть людям в душу просится,
Пусть их живит она;
И пусть все им становится
Дороже и милей,
Как первая черемуха,
Как первый соловей!

Красное Село
20 июня 1884

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ МАВРИКИЕВНЕ

О не дивись, мой друг, когда так строго
Я пред тобой молчаньем обуян:
 На дне морском сокровищ много,
 Но их не выдаст океан.

В душе загадочной моей есть тайны,
Которых не поведать языком,
 И постигаются случайно
 Они лишь сердцем, не умом.

О пусть духовный взор твой сокровенно
Проникнет в глубину души моей,
 И тайны все ее мгновенно
 Легко ты разгадаешь в ней.

Так месяц глубь морскую пронизает
Снопом своих серебряных лучей
 И безмятежно созерцает
 На дне сокровища морей.

*Красное Село
Август 1884*

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ФЕДОРОВНЕ

Я на тебя гляжу, любясь ежечасно:

Ты так невыразимо хороша!

О, верно под такой наружностью прекрасной

Такая же прекрасная душа!

Какой-то кротости и грусти сокровенной

В твоих очах таится глубина;

Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;

Как женщина, стыдлива и нежна.

Пусть на земле ничто средь зол и скорби многой

Твою не запятнает чистоту,

И всякий, увидав тебя, прославит Бога,

Создавшего такую красоту!

Село Ильинское

24 сентября 1884

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ДОСУГ *

Собравшись, как и мы, стремяся к той же цели,
Перед художества священным алтарем,
Служа искусству, мы свои произведения
На суд товарищей смиренно отдаем.

Не ищем мы, друзья, ни славы, ни хвалений,
Пусть безымянные в могиле мы уснем,
Лишь бы Измайловцы грядущих поколений,
Священнодействуя пред тем же алтарем, ,

Собравшись, как и мы, стремясь к той же цели,
В досужие часы чрез многие года
Те песни вспомнили, что мы когда-то пели,
Не забывая нас и нашего труда.

Гремите, пойте же, Измайловские струны,
Во имя доблести, добра и красоты!
И меч наш с лирою неопытной и юной
Да оплетут нежней художества цветы.

С.-Петербург

9 января 1885

* Стихотворение написано к состязанию на одном из литературных вечеров «Измайловского Досуга» (Прим. автора).

Затишье на море... За бурю стронгивой
Настала мертвая, немая тишина:
Уж выбившись из сил, так вяло, так лениво,
Едва колыхнется усталая волна.

Затишье на сердце... Застыли звуки песен,
Тускнея, меркнет мысль, безмолвствуют уста,
Круг впечатлений, чувств так узок и так тесен, —
В душе холодная такая пустота.

Но налетит гроза, и дрогнут неба своды.
Заблещут молнии, и разразится гром,
И грозный ураган на дремлющие воды
Дохнет властительным, победным торжеством.

Так минет наконец пора дремоты коспой,
Унылая душа воспрянет ото сна,
И снова грянет песнь моя победоносно, —
И потечет стихов созвучная волна!

Венеция

16 апреля 1885

* * *

На площади Святого Марка,
Где вьются стаи голубей,
Где меж бесчисленных колонн за аркой арка
Пленяют взор каймой узорчатой своей,
Остановился я... Уж угасал, бледнея,
Тревожный, суетливый день;
С безоблачных небес, таинственно синяя,
На землю сонную спускалась ночи тень;
И колокола благовест унылый
Сзывал к вечерне христиан. Меня
Влекло неведомою силой
К старинному собору, чтобы дня
Забыть и шум, и утомленье.
Благоговейного исполнен умиленья
Переступил святыни я порог...
Лампады теплились, дымились кадила,
И сумрачная мгла, казалось, говорила:
Здесь соприсутствует нам Бог! —
И стал молиться я спокойный и безмолвный.
Орган откуда-то с незримой вышины
Звучал торжественно, и стройных звуков волны

Лидися среди мертвой тишины.
В них слышались и слезы, и стенанья.
Скорбь за утраченные небеса,
И неземные вздыханья,
И райских песен голоса.
Прозрачный, легкий дым кажденья благовоющих,
Струясь вокруг мраморных столбов,
Скользя по плитам стен, вдоль сводов закопченных,
Вился и таял в мраке куполов,
Молитвой и веками освященных,
И лики строгие угодников святых
Со злата греческой мусии
Глядели на меня... И о родных
Иконах матушки России
Неволью вспомнил я тогда;

Моя душа крылатою мечтою
Перенеслась на родину, туда,
На север, где теперь, согретая весною,
Душистая черемуха цветет,
Благоухают пышные сирени,
И песни соловей поет...
В уме столпилось столько впечатлений!..
И вздохом я вздохнул таким,
Каким вздохнуть один лишь Русский может,
Когда его тоска по родине изложет
Недугом тягостным своим.

*Венеция,
19 апреля 1885*

* * *

Растворил я окно, — стало грусно невмочь, —
Опустился пред ним на колени,
И в лицо мне пахнула весенняя ночь
Благовонным дыханьем сирени.
А вдали где-то чудно так пел соловей;
Я внимал ему с грустью глубокой
И с тоскою о родине вспомнил своей;
Об отчизне я вспомнил далекой,

Где родной соловей песнь родную поет
И, не зная земных огорчений,
Заливается целую ночь напролет
Над душистою веткой сирени.

Мейнинген
13 мая 1885

Распустилась черемуха в нашем саду,
На сирени цветы благовонные;
Задремали деревья... Листы, как в бреду,
С ветром шепчутся, словно влюбленные.

А отливы заката, алея, горя,
Синеву уж румянят небесную:
На весну наглядеться не может заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.

Напоенный душистым дыханьем берез,
Воздух в юную грудь так и просится, —
И волшебных, чарующих полная грез
Далеко моя песня разносится!

*Альтенбург,
21 мая 1885*

Я не могу писать стихов,
Когда встречаюсь порою
Средь всяких дряг и пустяков
Со лживой пошлостью людскою.

Я говорил себе не раз:
Оставь, не обращай вниманья!
Смотри: не каждый ли из нас
Несовершенное создание?
Мы жертвы слабые судьбы,
Проступки наши так понятны:
У розы даже есть шипы,
И есть на самом солнце пятна.

Но нет, пусть ум твердит свое!
Душа с рассудком не мирится,
И сердце бедное мое
Тоской и злобою томится,

И тщетно ищешь рифм и слов,
Зовешь напрасно вдохновенье, —
И раздраженный, в озлобленье
Я не могу писать стихов!

Дрезден
22 мая 1885

* * *

Нет! Мне не верится, что мы воспоминанья
О жизни в гроб с собой не унесем;
Что смерть, прервав навек и радость и страданья,
Нас усыпит забвенья тяжким сном.

Раскрывшись где-то там, ужель ослепнут очи,
И уши навсегда утратят слух?
И память о былом во тьме загробной ночи
Не сохранит освобожденный дух?

Ужели Рафаэль, на том очнувшись свете,
Сикстинскую Мадонну позабыл?
Ужели там Шекспир не помнит о Гамлете,
И Моцарт Реквием свой разлюбил?

Не может быть! Нет, все, что свято и прекрасно,
Простившись с жизнью, мы переживем
И не забудем, нет! Но чисто, но бесстрастно
Возлюбим вновь, сливаясь с Божеством.

Штадгатен,
24 мая 1885

ПЕРЕД СИКСТИНСКОЮ МАДОННОЮ

Глядишь на этот образ запрестольный,

*Una cosa veramente rarissima
e singolare.
Vasari.*

И слово замирает на устах:
Молиться хочется невольно,
И слезы копяты в глазах.

Так и влечет в священном восхищеньи,
Как папа Сикст, колени преклонить
И, как Варвара, в умиленьи
Взор недостойный опустить!

*Дрезден
23 мая 1885*

РАФАЭЛЬ САНЦИО

1483—1520

**В Страстную пятницу недаром он родился,
В Страстную пятницу недаром умер он!
В него божественный дух творчества вселен,
Он свыше тайною был силой облечен.**

Небесной, ангельской красою одаренный,
Недаром имя он бесплотного носил,
И верить хочется, что кистью несравненной
Его руководил архангел Рафаил...

С.-Петербург

80 мая 1885

* * *

Отцветает сирень у меня под окном,
Осыпаются кисти пушистые...
Уж пахнуло, повеяло летним теплом;
Гуще зелень берез; солнце звойным лучом
Золотит их стволы серебристые.

Скоро лето придет и опять уберет
Васильками всю ниву зеленую;
Скоро жимолость в нашем саду зацветет;
И опять незабудками сплошь зарастет
Мшистый берег над речкой студеною.

Скоро скошенным сеном запахнет кругом...
Как бы досыта, власть грудью жадною
Надышаться мне этим душистым теплом,
Пока мир ледяным не уснул еще сном,
Усыпленный зимой безотрадною!

Павловск
28 июня 1885

* * *

Тебя преследует людская злоба,
И не дают тебе от скорби отдохнуть;
Но потерпи немного: ведь до гроба
Недолог путь!

Пробьет желанный час освобожденья,
Земли оковы смерть сорвет своей рукой,
И отойдешь в блаженном усыпленьи
Ты на покой.

Упреки колкие, обиды злые,
Все, все переноси и не кляни людей:
Они орудья слабые, слепые
Судьбы своей.
Терпи безропотно свои страданья,
Последнюю слезу скорее с глаз отри
И за печали все, за испытанья
Благодари!

1885

* * *

Вчера мы ландышей нарвали,
Их много на поле цвело;
Лучи заката догорали,
И было так тепло, тепло!

Обыкновенная картина:
Кой-где березовый лесок,
Необозримая равнина,
Болота, глина и песок.

Пускай все это и уныло,
И некрасиво, и бедно;
Пусть хорошо все это было
Знакомо нам давным-давно, —
Налюбоваться не могли мы
На эти ровные поля...
О север, север мой родимый,
О север, родина моя!

1885

Блажен, кто улыбается,
Кто с радостным лицом
Несет свой крест безропотно
Под терновым венцом;
Не унывает в горести,
В печали терпелив
И слезы копит бережно,
Их в сердце затаив.
Блажен, что скуп на жалобы,
Кто светлую душой
Благословляет с кротостью
Суровый жребий свой;
Кто средь невзгод уныния,
Тревоги и скорбей
Не докучает ближнему
Кручиною своей;
Кто, помня цель заветную,
Бестрепетной стопой
И весело, и радостно
Идет свой стезей.
Блажен, кто не склоняется

Перед судом молвы,
Пред мнением толпы людско**й**
Не клонит головы;
Кто злыми испытаньями
И горем закален,
Исполненный отвагою,
Незыблем и силен,
Пребудет тверд и мужествен
Средь жизненной борьбы,
Стальной наковальней
Под молотом судьбы.

1885

УМЕР

Умер, бедняга! В больнице военной
Долго, родимый, лежал;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий педуг доконал...

Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать, —
Всю глубину материнской печали
трудно пером описать!
С невыразимой тоскою во взоре
Мужа жена обняла;
Полную чашу великого горя
Рано она испила.
И протянул к нему с плачем ручки
Мальчик-малютка грудной...
...Из виду скрылись родные избенки,
Край он покинул родной.
В гвардию был он назначен, в пехоту,
В полк наш по долгом пути;
Сдали его в Государеву роту
Царскую службу нести.

С виду пригожий он был новобранец,

Стройный и рослый такой,
Кровь с молоком, во всю щеку румянец,
Бойкий, смыслепый, живой;
С еле заметным пушком над губами,
С честным, открытым лицом,
Волосом рус, с голубыми глазами,
Ну — молодец молодцом.

 Был у ефрейтора оп на поруке, —
К участи повой привык,
Припоровился к военной науке, —
Сметливый был ученик.
Старым его уж считали солдатом,
Стал он любимцем полка;
В этом Измайловце щеголоватом
Кто бы узнал мужика!

 Он безупречен во всяком паряде
Службу свою отбывал,
А по стрельбе скоро в первом разряде
Ротный его записал.

 Мы бы в учебной команде зимою
Стали его обучать,
И подготовленный он бы весною
В роту вернулся опять;
Славным со временем был бы он взводным...
Но не сбылись те мечты!
...Кончились лагеря; ветром холодным
Желтые сдуло листья,
Серый спустился туман на столицу,
Льютоса дожди без конца...
— В осень пенастную сдали в больницу

Нашего мы молодца.

Таял он, словно свеча, попомногу
В нашем суровом краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдал он душу свою.
Умер вдали от родного селенья.
Умер в разлуке с семьей,
Без материнского благословенья
Этот солдат молодой.
Ласковой, нежной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И ни одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!

Полк о кончине его известили, —
Хлопоты с мертвым пошли:
В старый одели мундир, положили
В гроб и в часовню снесли.
К выносу тела к военной больнице
Взвод был от нас наряжен...

По пегу тучи неслись верепицей
В утро его похорон;
Была и плакала снежная выюга
С жалобным воплем таким,
Плача об участи нашего друга,
Словно рыдая над ним!

Вынесли гроб; привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Их потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,

Чтоб до угла проводить: —
Взводу до первого лишь поворота
Надо за гробом следовать.
Дрогам вослед мы глядели, глядели
Долго с печалью немой...
Перекрестились, шапки надели
И воротились домой...

Люди чужие солдата зароят
В мерзлой земле глубоко
За городом, там, где ветер лишь вост,
Где-то в глуши, далеко.

Спи же, товарищ ты паш, одиноко,
Спи же, покойся себе
В этой могиле сырой и глубокой
Вечная память тебе!

*Мыза Смерди,
22 августа 1885*

* * *

Когда, провидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской, —
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,

Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о друг! ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой.

С.-Петербург
7 января 1886

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

Великому Князю Александру Михайловичу

Что корабль под всеми парусами,
Гавань тихую забыв,
Уносимый буйными ветрами
Мчится смел и горделив
В голубом потешиться просторе
С прихотливою волпой, —
Ты стремишься в жизненное море,
Увлекаемый судьбой.
В добрый час! Не бойся урагана,
Перед бурей не робей,
Не страшись ни мели, ни тумана,
Ни обманчивых зыбей!
Смелым Бог владеет: полон силы,
Полн отваги юной будь,
Не бросай надежного кормила
И держи прямее путь.
Чист душой стремись неустрашимо
Полон веры в подвиг свой
И борись, борись неутомимо
С бурпой жизненной волпой!
*Мраморный дворец,
1 апреля 1886*

* * *

Уж скоро стает снег и помесутся льдины *
Вдоль по течению освобожденных струй —
И вновь слетит весна в расцветшие долины
И подарит земле свой первый поцелуй.
А перелетных птиц ликующая стая
Вернется поглядеть на вешние цветы,
И солнце загорит, восторженно блистая,
Над этим праздником чудесной красоты.

Как много свежести, тепла, благоуханья,
Как много света нам несет с собой весна!
Как много счастья в ней, любви, очарованья!
Как упоительна, как хороша она!

Но всем ли принесет она одни улады,
Одно веселие, надежды и цветы?
Но все ли будем мы так искренне ей рады,
И сбудутся ли все заветные мечты?
— Когда дары своей кошницы благовоной

* Написано к состязанию «Измайловских Досугов» на тему стихов А. Н. Майкова:

«Над необъятною пустыней океана» (Прим. автора).

Рукою щедрою посыплет нам весна,
Быть может, кто-нибудь найдется обделенный
И незамеченный? Бездольного она
Своими теплыми не озарит лучами,
Ему пленительной улыбки не пошлет
И, осыпая всех душистыми цветами,
Вдаль от забытого направит свой полет.

Быть может, как мечта, как звук неуловимый,
Как лучезарный сон, беспечна, молода,
В избытке юности она промчится мимо,
Не ведая его!

О, пусть же и тогда
Не молвит он вослед ей злобного укора
И, горькую печаль глубоко затая,
Пусть не кидает он завистливого взора
Ее избранникам и баловням ся.
О, пусть не выдает души своей страданья
Он ниединою напрасною слезой,
Чтобы не смутить ничем все это ликованье, —
И радость, и восторг, навеянный весной.

С.-Петербург
30 апреля 1886

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

I

Гаснет день. Я сижу под палаткою
И гляжу, как гряды облаков
Мчатся тенью прозрачной и шаткою
Над зеленым простором лугов.

Приутихли беседы веселые;
Вечер... Все разбрелись на покой;
Только поступью ровной, тяжелой
Ходит взад и вперед часовой.

И легко, и привольно так дышится
После долгого, звойного дня;
Где-то песня солдатская слышится...

И сижу я один без огня...
Тихо полог палатки колышется...
Сладкий сон обвеваает меня...

*Красное Село
14 июля 1886*

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты своею Пречистою Кровью —
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

Павловск
4 сентября 1886

* * *

Садик запущенный, садик заглохший, —
Старенький, серепкий дом;
Дворик заросший, прудок пересохший —
Ветхие службы кругом.

Несколько шатких ступеней крылечка,
Стекла цветные в дверях;
Лавки вдоль стен, изразцовая печка
В низеньких, темных сепях.

В комнате стулья, с обивкой сафьяншой,
Образ с лампадкой в углу,
Книги на полках, камин, фортепяно,
Мягкий ковер на полу...

В комнате этой и зиму, и лето
Столько цветов на окне...
— Как мне знакомо и мило все это,
Как это дорого мне!

— Юные грезы! Счастливые встречи
В поле и в мраке лесном...
Под вечер долгие, тихие рочи
Рядом, за чайным столом

Годы минувшие, лучшие годы,
Чуждые смут и тревог!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголок!

— Ныне ж одно только на сердце бремя
Незаменимых потерь...
Где это доброе старое время?
Где это счастье теперь?

Павловск
13 сентября 1886

* * *

Помнишь ли ты, как бродили мы по полю
В жаркий, безоблачный день?
К стройному сели с тобою мы тополю
Рядом в душистую тень.

Помнишь, смеясь, я твои слушал жалобы
На утомленье и зной;
Ты говорила, что век отдыхала бы
Здесь, в этой травке густой.

Строгими я отвечал наставленьями:
«По полю ирраздно бродить
Легче, чем с горем, с бедой, с огорченьями
Жизнь трудовую прожить».

Годы промчались с тех пор вереницею, —
Нам их вернуть не дано!
Поле теперь колосится пшеницею,
Тополь наш срублен давно.

Солнце тебя не пугает горячее,
Ты не устанешь в пути:
Ты терпеливо глубокое, жгучее
Горе умеешь нести.

И ни одной не проронишь ты жалобы
На злополучье свое,
Перед которым давно задрожало бы
Слабое сердце мое.

О, поделись этой волею гордою,
Мужеством этим со мной,
Чтобы пройти я мог постушью твердою
Поприще жизни земной.

Если ж смутят меня мира бездумного
Горе, беда и напасть,
То пристыди ты меня, малодушного,
Духом готового пасть.

Павловск
Сентябрь 1886

* * *

Пронеслись мимолетные грезы!
Беззаботные минули дни!
— Словно осенью листья березы
Незаметно умчались они.

Все, что горького в прошлом прожито
Наболевшей душою моею,
Хоть на миг было мной позабыто
Среди этих безоблачных дней...

Но конец пышноцветному лету,
Уж грозит нам седая зима,
И на смену и зною, и свету
Наступают и стужа, и тьма.

Принимайся ж опять за работу
И за подвиг берись трудовой:
Будь готов и печаль, и заботу
Снова встретить отважной душой.

Павловск

2 октября 1886

12 ОКТЯБРЯ 1886

Вся семья сошлася полковая,
Привелось опять собраться нам,
И опять братина круговая
Заходила по рукам.

Пьем мы и за Русскую Державу,
И за здравье Государя пьем,
И за вас, сражавшихся на славу
В бой под Горным Дубняком.

— Выпьем же теперь и за солдата!
Осушим братину за него,
Пусть и навсегда его булата
Грозно будет торжество!

С той же доблестью непобедимой
Да сразится молодой солдат,
Как сразились вы неустрашимо
Девять лет тому назад.

С.-Петербург

РОЗЫ *

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Нам незнакомы были бури, —
Беспечны были мы с тобой.

Для нас цветы благоухали,
Луна сияла только нам,
Лишь мне с тобою по ночам
Пел соловей свои печали.
— В те беззаботные года
Не знали мы житейской прозы:
Как хороши тогда,
Как свежи были розы!

То время минуло давно...
— Изведав беды и печали,
Мы много скорби повстречали;
Но унывать, мой друг, грешно:
Взгляни, как Божий мир прекрасен;

* Написано к состязанию «Измайловских Досугов» на тему
из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева:
«Как хороши, как свежи были розы!» (Прим. автора).

Небесный свод глубок и чист,
Наш сад так зелен и душист,
И теплый день и тих, и ясен
Пахнул в растворенную дверь;
В цветах росы сияют слезы...
 Как хороши теперь,
 Как свежи эти розы!

За все, что выстрадали мы,
Поверь, воздастся нам сторпцей,
Дни пропесутся верепицей,
И после сумрачной зимы
Опять в расцветшие долины
Слетит счастливая весна;
Засветит кроткая луна;
Польется рокот соловьиный,
И отдохнем мы от труда,
Вернутся радости и грезы:
 Как хороши тогда,
 Как свежи будут розы!

Мраморный дворец
9 декабря 1886

А. Н. МАЙКОВУ,
в ответ на его письмо с новыми стихотворениями

Опять твое раздалось пенье,
Опять звучит нам песнь твоя!
К ней, очарован, в восхищенье
Опять прислушиваюсь я.

Забыта вновь юдоль земная,
Я будто слышу твой призыв —
И, словно крылья расплавляя,
Вмиг встрепенувшись и ожив,

Душа и просится, и рвется
В те неземные высоты,
Откуда голос твой несется, —
Туда, откуда манишь ты.

О пой нам! Пой не умолкая
С той высоты, чтоб и опять
Я в этой дивной песне рая
Мог вдохновенье почерпать.

С.-Петербург

23 февраля 1887

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСЕНКА

Князю Иоанну Константиновичу

Спи в колыбели нарядной,
Весь в кружевах и шелку,
Спи, мой сынок, ненаглядный,
В теплом своем уголку.

В тихом безмолвии ночи
С образа, в грусти святой,
Божией Матери очи
Кротко следят за тобой.

Сколько участия во взоре
Этих печальных очей!
Словно им ведомо горе
Будущей жизни твоей.

Быстро крылатое время!
Час неизбежный пробьет!
Примешь ты тяжкое бремя
Горя труда и забот.

Будь же ты верен преданьям
Доброй, простой старины;
Будь же всегда уповаем
Нашей родной стороны.

С верою твердой, слепою,
Честно живи ты свой век.
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.

Пусть тебе в годы сомненья,
В пору тревог и невзгод,
Служит примером терпенья
Наш православный народ.

— Спи же! Еще не настали
Годы смятений и бурь;
Спи же, не зная печали, —
Глазки, малютка, зажмурь...

Тускло мерцает лампадка
Перед иконой святой...
Спи же беспечно и сладко, —
Спи, мой сынок, дорогой!

*С.-Петербург, Мраморный дворец
4 марта 1887*

А. А. ФЕТУ

Отважно пройдена дорога
И цель достигнута тобой:
Ты, веря в доброе и в Бога,
Свершил высокий подвиг свой.

И ныне следом за тобою
Пуститься в путь дерзаю я;
Пусть путеводную звездою
Сияет вера мне твоя.

А ты, испытанный годами,
Неунывающий боец,
Ты, убеленный сединами,
Венчанный славою певец —

Меня, взращенного судьбою
В цветах, и счастье, и любви —
Своей дряхлеющей рукою
На трудный путь благослови.
С.-Петербург
29 марта 1887

Я. П. ПОЛОНСКОМУ,
на 50-летний юбилей его писательской деятельности
10 апреля 1887

Незабвенных поэтов бессмертную лиру
Унаследовал ты, о певец!
Ты ревниво и свято сберег ее миру
И стяжал себе славы венец.

В чутких струнах будила волшебные звуки
Вдохновенная песня твоя,
То врачую сердец сокровенные муки,
То веселье и радость лия.

Лишь во имя того, что светло и правдиво,
Что волнует восторгами грудь,
Лишь во имя добра ты всю жизнь терпеливо
Свой тернистый прокладывал путь.

И за то, что завет тех певцов незабвенных
Ты исполнил, трудясь и любя —
Никогда в песнопеньях твоих вдохновенных
Не забудет отчизна тебя.

С.-Петербург

* * *

Ты в жизни скорби и мучений
Не избалована судьбой,
И много бед и огорчений
Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
В надежде, вере и любви
Переносила неизменно
Ты все страдания свои.

Своим безропотным терпеньем
Ты скорбь умела побороть,
Приемля все с благоговеньем,
Что посылал тебе Господь.

О верь! Сторицею с годами
Вознаградится этот труд:
— Не все ль, кто сеяли слезами,
Святою радостью пожнут?

Штутгарт
25 октября 1887

* * *

Озеро светлое, озеро чистое,
Гладь, тишина и покой!
Солнце горячее, солнце лучистое
Над голубою волной!

О, если б сердце тревожное, бурное
Так же могло быть светло,
Как это озеро в утро лазурное,
Только что солнце взошло!

Фридрихсгафен
27 сентября 1887

ПИСЬМО К ТОВАРИЩУ

Я за границей... Здесь со мной
Любезны, ласковы, радушны, —
И все же хочется домой:
Не по нутру мне запад душный.
Вдали от всех забот и дел,
Благословляя свой удел,
Здесь можно б жизнью наслаждаться!
Но не могу я дня дожждаться,
Когда вернусь отсюда к вам,
К занятиям, службе и трудам.
Скитаясь по чужому краю,
Я от безделия скучаю.
Мне роты здесь недостает,
Недостает полка родного...

Когда ж желанный день придет,
Когда я в роте буду снова,
Кто встретит с рапортом меня!
Жильцов ли дюжий, краснощекий,
Иль ваша слабость и моя,
Сам Добровольский черноокий,

Невозмутимый малоросс,
Несообщительный, безмолвный,
Чей нрав, противоречий полный,
Для нас загадочный вопрос?
Или Якимов бородатый,
Неповоротливый толстяк?
Иль молодец щеголеватый
Лихой, воинственный Ермак
С коронационной медалью
И штуцерами на часах?
Или Рябинин мой с печалью
В больших задумчивых глазах,
С лицом разумным и красивым,
Сперва считавшийся ленивым,
Теперь же — воин хоть куда,
Исправный, ревностный всегда,
Кого «ефрейтором гвардейским»
За длинный рост зовут в рядах?
Иль Фрайфельд с пескомько еврейским
Оттенком в речи и чертах?

В ноябрьский день холодный, мрачный,
В казарме снова буду я.
Андрей Никитич Сагайдачный,
Цепочкой штуцерной звеня,
Засуетится в коридоре
И в бесконечном разговоре
Подробно станет излагать
Свое фельдфебельское мнение
О том, что надобно пригнать

Мундиры в первом отделенье;
Расскажет мне, как дорога
Цена на сено и капусту,
И то, как командир полка
Нашел, что не довольно густо
Был сварен в пятницу горох;
Что нисарь мой по строю плох,
И что почаще на ученье
Портных бы надо выводить.
Он это все в одно мгновенье
Мне не упустит доложить...

Пройду в покой второго взвода.
Там, между окон, против входа
Святой Георгий на коне
Копье вонзает; та икона
Была устроена при мне
Тому назад уже два года,
Когда во все четыре взвода
Мы заводили образа.
Тут подле взводного направо
Мне попадется на глаза
Ефрейтор Лейман, бойкий, бравый
Самарский пемец-колонист;
А рядом — вкрадчив и речист —
С всегдашней ясностью во взгляде
Мой Краснопевцев жалопёр*,

* Теперь: липейный (Прим. автора).

Который в Федровском посаде,
Как говорят, через забор
Перелезал почной порою,
Чтоб слив поест в чужом саду;
Но мы доверчивой душою
Не верим в эту клевету,
И в наступающем году
Наш Краснопевцев — будет взводный.

И в третий взвод направлюсь я,
Там с виду важный и дородный,
Степешный Лапин ждет меня.
А с ним Белинский плутоватый
И Захарчук молодцеватый,
Усы потуже закрутив,
И шапку на бок заломив...

Теперь в четвертый взвод мне с вами
Еще осталось заглянуть.
Там, широко расправя грудь
И пожирая нас глазами,
В дверях Хрисанф Васильев ждет.
С ним на маневрах прошлый год,
Когда, под Павловским редутом,
Вблизи Кирхгофской высоты,
Всю ночь служили нам приютом
Канавы, камни да кусты,
Лежал я рядом до рассвета.
Ах, ночь безоблачная эта.
При лунном блеске, при звездах,

И боевая обстановка,
И непривычная ночевка
На чистом воздухе, в полях,
Со взводным унтер-офицером,
И холм, и кирка, и рудут,
В тумане тонущие сером,
Из головы моей нейдут!

Затем я буду меж рядами
Искать ефрейтора глазами,
Который шьет мне сапоги
С остроконечными носками;
Они неловки и узки,
Но, право, как-то веселее
Мне в этих ротных сапогах.

А вот сапожника левее,
Татарин, ростом небольшой,
Красивый, дельный и смышленный,
Левифланговый отделенный,
Тимаев бойкий и лихой.
Я помню: как-то на привале,
То было в августе, в пачале,
Когда, пройдя далекий путь,
Остановились отдохнуть
Мы в месте диком и пустынном, —
Он на арабском языке
Прочел мне надпись на старинном
Дамаскированном клинке.

Зайдя во все покои сряду,
Везде приветствуя людей,

За стол с бумагами засяду
Я в канцелярии моей.

И Павел Вальтер, писарь ротный,
Всегда опрятный, чистоплотный,
Читавший Шиллера, едва ль
Не все его стихотворенья
На память знающий, за чтение
Французской книги «Жерминаль»
Чуть не подвергнутый взысканью,
Мне даст бумаги подписать;
И выводя и чин, и званье,
Своею подписью скреплять
Без счета рапорты я буду
И кипу сведений, и груду
Различных списков (без чего
Цельзя добиться ничего).

• • • • •

Покончив с этими делами, ,
В казарму двери мы запрем,
И наконец останусь с вами
Я в канцелярии вдвоем;
И отводить мы душу будем
В беседе дружеской опять
И дни разлуки позабудем.

Вам надо будет рассказать
Мне обо всем, что в роте нашей
Происходило без меня.
Поверьте: не в пример мне краше
Казарма милая моя,

Где рота ждет меня родная,
Всех здешних замков и палат.
Подумайте! Я, как солдат,
Последний месяц доживая
Пред увольпением в запас,
Считаю, много ль остается
Дней, что еще пробыть придется
Вдали от Родины, от вас.

Простите! Долгой болтовнею
Я вам, быть может, падоел,
И положить пора предел
Писанью этому. Но мною
Так полновластно овладел
Наплыв пленительных мечтаний
И дорогих воспоминаий
Про наше ротное житье,
Что позабыл я в увлеченье,
Как много падо вам терпенья,
Чтоб дочитать письмо мое.

Альтенбург
15 октября 1887

КОЛОКОЛА

Несется благовест... — Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест... И ласково, и нежно
С далекой родины гудят колокола.

Штутгарт
20 октября 1887

ПИСЬМО К ДЕЖУРНОМУ ПО ПОЛКУ

По вас, товарищи, вздыхаю
Здесь на чужбине я опять;
Меня к родному тянет краю,
Без службы начал я скучать,
И надоел мне путь далекий.
Чтоб разогнать свою тоску,
Писать я вздумал эти строки.

Вы, как дежурный по полку,
Порядков внутренних блюститель,
Официальное лицо
И офицерства представитель,
Мое прочтете письмецо.

Поверьте, право с наслажденьем
Я отдежурил бы за вас!
Каким пленительным мгновеньем
Мне представляется тот час,
Когда на Троицком проспекте
Перед собором полковым
Развод бывает должностным
В полнейшем собранном комплекте.
«Здорово, братцы!» — крикнет им

Дежурный. «Здравия желаем!» —
Дежурный. «Здравия желаем!»
В ответ они ему вскричат.
Толпой зевак сопровождаем,
Пойдет вдоль фронта он наряд
Сличить внимательно с приказом
И их окинуть зорким глазом.
Тут с караулом полковым
Патруль, подчаски, вестовые
И в дом Гарновского * ночные.
И рота целая с одним
Из офицеров помоложе:
Их снарядят мгновенно в путь,
Когда — чего избави, Боже! —
Пожар случится где-нибудь.
Все на местах; уж все готово,
Уже час роспуска настал, —
Идет к разводу генерал.
Кричит и он свое «Здорово!»
И на начальника привет
Обычный слышится ответ.
И против каждого он ряда
Найдет заметить что-нибудь:
Ничто от опытного взгляда
Его не может ускользнуть.
Там животом стоит фланговый,
Приклада тот не довернул,
А этот, рослый и здоровый,

* Офицерский флигель лейб-гвардии Измайловского полка
(Прим. автора):

Уж слишком локоть затянул;
Один в шинели неуклюжей,
И не застегнут воротник,
Другой еще оделся хуже, —
Неладно пригнан там башлык,
А здесь худая рукавица.
Дежурный слушает, дивится,
Как ни старался, ни смотрел,
Как ни равнял перед началом,
Все кой-чего не доглядел.

Немой толпой за генералом
Идут и ротные вослед,
И батальонный, командиры,
Дрожа за старые мундиры,
Забот отеческих предмет.
Как озабочены их лица,
Как беспокоен быстрый взгляд,
Когда погон или петлица
Его внимание обратят.

Но все идет благополучно:
Наш генерал сегодня тих,
И всем «спасибо» крикнув звучно,
Он распускает должностных.

Теперь пожарная лишь рота
Еще ждет участи своей:
Начальству, видно, неохота,
Не поучив расстаться с ней.

И начинается ученье:
Плечом заходят отделенья,
И без конца, за рядом ряд,

Шагает рота неуклонно,
Пока двухзвонною колонной
Ее построить не велят.
Уж раздавалось довольно
И на плечо, и ружье вольно,
И поворот был на бегу...
Морозом щиплет уши больно,
Дежурный зябнет на снегу.

Но вот из сомкнутого строя
Велят заняться пред концом
Еще примерною пальбою;
И развернувшись бегом,
Победоносно в заключенье
Летит вся рота на ура.
Вот так кончается ученье,
Когда обедать нам пора...

И в офицерское собранье
Теперь дежурный офицер
Идет поспешно, в упованье
Согреться чем, хоть, например,
Випом, иль водкою перцовой.
А между тем давно в столовой
Уж собралися господа:
Для них тактических занятий
Настала злая чередка.
Но вместо смелых предприятий
На планах мнимой той земли,
Что Скугаревский с Энгельгардтом
Нам на беду изобрели, —
Одни закуску предпочли,

Другие ж тешатся бильярдом.
Давно бы, кажется, пора
Прийти полковнику в собрание;
— Уж и ему ль не в наказанье,
Как нам, военная игра? —
Но вон пришел он и сурово
В холодный танцевальный зал
Из бильиардной и столовой
Всех на занятия позвал...

Часы проходят вереницей —
Короток петербургский день;
И незаметно над столицей
Ложится зимней ночи тень.

И от труда устав дневного,
Вкусить и отдых, и покой
В дежурной комнате вы снова
Сойдетесь дружною семьей.

Здесь, одинокий, на чужбине
Я слышу ваши голоса,
И вижу я: дрова в камине
Пылают; света полоса
От лампы с зонтиком упала
На стол, где каждого журнала
Мы представителя найдем.

Здесь, на *досуге*, вечерком
Ведем мы тихие беседы,
Здесь наши радости и беды
Мы разделяем меж собой...

Друзья, унылою душой
Я за границею тоскую...
В семью мне хочется родную,
В надь полк, на родину, домой!

Севилья, 5 ноября 1887

ВДОВЦУ

А. А. Цицовичу

Блеск и сиянье сменило ненастье,
Осень сгубила все наши цветы...
Где твое первое, светлое счастье?
Где молодые мечты?

Горе подкралось с той грозною тучей:
Льются дожди, — льются слезы твои;
Их проливаешь струею горячей
Ты о погибшей любви.

Плачь и рыдай, и печалься, и сетуй!
Но да не молвят хулений уста;
С верой из мрака стремися ты к свету,
Время подьменя креста.

Минет зима... И цветы, и сиянье
С юной весною увидишь ты вновь:
Верь же в грядущую радость свиданья!
Верь, что воскреснет любовь!

Штадтгаген
28 ноября 1887

* * *

Когда меня волной холодной
Объемлет мира суета —
Звездой мне служат путеводной
Любовь и красота.

О, никогда я не нарушу
Однажды данный им обет:
Любовь мне согревает душу,
Она мне жизнь и свет.

Не зная усталы, ни лени,
Отважно к цели я святой
Стремлюсь, чтоб преклонить колени
Пред вечной красотой.

Берлин
5 декабря 1887

* * *

Сперва, обуянный гордыней слепую,
Себя одного лишь любя,
Твоей не пленяясь душевной красою,
Ценить не умел я тебя.

Но гордое сердце смирилося ныне,
Повязка упала с очей, —
И набожно я поклоняюсь святыне
Души несравненной твоей.

Лейпциг

24 ноября 1887

И. А. ГОНЧАРОВУ

Венчанн^{ый} славою нетленной,
Бессмерт^{ных} образов творец!
К тебе приблизиться смиренно
Дерзал неопытн^{ый} певец.

Ты на него взглянул без гнева.
Своим величьем не гордясь,
И звукам робкого напева
Внимал задумчиво не раз.

Когда ж бывали песни спеты,
Его ты кротко поучал;
Ему художества заветы
И тайны вечные вещал.

— И об одном лишь в умиленье
Он ныне просит у тебя:
Прими его благодаренье,
Благословляя и любя.

Гатчина

31 декабря 1887

* * *

Не говори, что к небесам
Твоя молитва недоходна:
Верь, как душистый фимиам,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишних слов; но всей душою
Старайся с верой сознать,
Что слышит Он, что Он с тобою.

Что для Него слова? — О чем,
Счастливый сердцем иль скорбящий
Ты не помыслил бы, — о том
Ужель не ведает Всезрящий?

Любовь к Творцу в душе твоей
Горела б только неизменно,
Как пред иконою священной
Лампады теплится елей.

С.-Петербург
23 января 1888

* * *

Прошла зима! Не видно снега,
Запели птицы с высоты...
— Что за чарующая нега
Кругом разлита! — Это ты,
Весны желанная примета!
Теченьем льдины унесло
И в этот ясный час рассвета
Благоуханно и тепло!

Весна! В душе стихают бури,
Как в небе тают облака.
Весна! Душа полна лазури,
Как эта тихая река.

С.-Петербург
11 апреля 1888

А. Н. МАЙКОВУ,
На 50-ти-летний юбилей его писательской деятельности
30 апреля 1888

Твоя восторженная лира
И песни чистые твои
Нам проливали звуки мира,
Добра, надежды и любви.

Ты черни ветренной в угоду
Себе, певец, не изменял,
Свою священную свободу
Страстям толпы не подчинял;

Ты пел в течение полвека,
Бессмертья лаврами увит,
Ту песнь, что душу человека
И возвышает и живит.

О! Если б струны эти пели
Нам долго, долго твой завет,
Как несравненной должен цели
Быть верен истинный поэт.

С.-Петербург

* * *

Меня бранят, когда жалею
Я причиняющих печаль
Мне бессердечностью своею;
Меня бранят, когда мне жаль
Того, кто в слабости невольной
Иль в заблужденье согрешит...

Хоть и обидно мне, и больно, —
Но пусть никто не говорит,
Что семя доброе бессильно
Взойти добром; что только зло
На ниве жатвою обильной
Нам в назиданье возшло.

Больней внимать таким суждениям,
Чем грусть и скорбь сносить от тех,
Кому мгновенным увлечением
Случится впасть в ничтожный грех.

Не все ль виновны мы во многом,
Не все ли братья о Христе?
Не все ли грешны перед Богом,
За нас распятым на кресте?

С.-Петербург
1 мая 1888

ПОЭТУ *

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
Пушкин,

Пусть гордый ум вещает миру,
Что все незримое — лишь сон,
Пусть знанья молится кумиру
И лишь науки чтит закон.

Но ты, поэт! Верь в жизнь иную, —
Тебе небес открыта дверь;
Верь в силу творчества живую,
Во все несбыточное верь!

Лишь тем, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тем, что светит правдой вечной,
Певец, пленяться должен ты.

Любовь — твое да будет знанье!
Пропикнись ей — и песнь твоя
В себе включит и все сгряданье,
И все блаженство бытия.

С.-Петербург
5 мая 1888

* Написано к состязанию «Измайловских Досугов» (Прим. Второго).

В ДЕЖУРНОЙ ПАЛАТКЕ

II.

Снова дежурю я в этой палатке;
Ходит, как в прежние дни часовой
Взад и вперед по песчаной площадке...
Стелется зелень лугов предо мной.
Здесь далеки мы от шумного света,
Здесь мы не знаем тревожных забот:
Жизнь наша рвеньем горячим согрета,
Каждый здесь царскую службу несет.

Вот отчего мне так милы и любы
Эти стоянки под Красным Селом,
Говор солдатский веселый и грубый,
Шопот кудрявых березок кругом,
Эта укромная наша палатка,
Этот широкий простор луговой...

В лагерной жизни труда и порядка
Я молодею и крепну душой!

Красное Село
31 мая 1888

СИРЕНЬ

Сирень распустилась у двери твоей
И лиловыми манит кистями:
О, выйди! Опять любоваться мы ей
Восхищенными будем глазами.
Смотри: гнутся ветви все в пышном цвету, —
Как обильны они и пушисты!
Не долго глядеть нам на их красоту
И вдыхать этот запах душистый.
Весна промелькнет словно платкая тень,
Как во сне пронесется крылатом...
Скорей! Наглядимся ж на эту сирень
И уьемся ее ароматом.

*Красное Село
6 июня 1888.*

* * *

*Государыне Императрице
Марии Федоровне*

На балконе, цветущей весной,
Как запели в садах соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя в кроткие очи твои.

Тихий голос в ушах раздавался,
Но твоих я не слышал речей:
Я как будто мечтой погружался
В глубину этих мягких очей.

Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живет в задушевных мечтах,
Все сказалось так просто и ясно
Мне в чарующих этих очах.

Не могли бы их тайного смысла
Никакие слова превозмочь..
Словно ночь надо мною нависла,
Светозарная, вешняя ночь!
Красное Село
15 июня 1888

В ДОЖДЬ

Дождь по листьям шелестит,
Зноем томящийся сад
Жажду теперь утолит;
Слаще цветов аромат.

Друг! Не страшись. Погляди:
Гроз не боятся цветы,
Чуя, как эти дожди
Нужны для их красоты.

С ними и я не боюсь:
Радость мы встретим опять...
Можно ль наш тесный союз
Жизненным грозам порвать?

Счастье не полно без слез;
Небо синей из-за туч —
Лишь бы блистал среди гроз
Солнышка радостный луч.

Красное Село
4 июня 1888

ЛЕТОМ

Давно черемуха завяла,
И на сирени средь садов
Уж не качались опахала
Благоухающих цветов.

По длинным жердям хмель зеленый
Вился высокою стеной,
И рдели пышные пионы,
Нагнувшись низко над травой.

Гляделись звезды золотые
В струи прозрачные реки,
И словно очи голубые
Во ржи синели васильки.

Мы дождались середины лета, —
Но вешних дней мне было жаль,
И с этой радостью расцвета
Прокралась в душу мне печаль.

Лишиться вновь мне стало страшно
Всего, чем жизнь так хороша,
Чего так долго сердце ждало,
Чего так жаждала душа!

Красное Село
14 июля 1888

* * *

О, не гляди мне в глаза так пыливо!
Друг, не заглядывай в душу мою,
Сиясь постигнуть все то, что ревниво,
Робко и бережно в ней я таю.

Есть непонятные чувства: словами
Выразить их не сумел бы язык;
Только и властны они так над нами
Тем, что их тайну никто не постиг.

О, не гневись же, когда пред тобою
Очи потупив, уста я сомкну:
— Прячет и небо за тучи порою
Чистой лазури своей глубину.

Красное Село
17 июля 1888

* * *

Прищцу Петру Александровичу Ольденбургскому

Говорят мне: «Собою владеть ты умей,
Паучиться пора хладнокровью;
Надо сдержанней быть; ты немало людей
Необдуманной сгубишь любовью...»

Но любовь удержать разве властна душа,
Как добычу орел в сильных лапах?
Нет, цветам, благовоньем весенним дыша,
Не сдержать упоительный запах!

Коль любить, так безумствуя в страсти слепой,
В этом бреде бессилен рассудок...
Знать ли солнцу, что им с вышины голубой
Спалена красота незабудок?

*Красное Село
19 июля 1888*

В НОЧИ

I

ЗВЕЗДЫ

Истомленные дня суетою безумной
К вам, о светочи неба, подъемлем мы очи:
Здесь внизу на земле и тревожно, и шумно, —
Безмятежно и тихо в безмолвии ночи.

Как вы кротко царите в торжественном блеске,
Бестелесною вечно сияя краскою!
Наша ложь, наша злоба в неистовом плеске
Никогда не коснутся вас мутной волною.

И чем выше вы, звезды, чем вы недоступней,
Тем плененным следить вас отраднее взором;
Чем мрачней, чем ничтожней мы и преступней,
Тем светлей вы и чище огнистым взором.

Павловск

13 августа 1888

II

МЕСЯЦ

Пусть мрачна наша ночь, пусть темно в долине мире,
Унывать ли, когда мы полны упования,
Что всплывет величаво в лазурном эфире
Светлый месяц в чарующей славе сиянья.

Лишь пролетит он лучи, — в этот миг просветленья
Все стихает, что мучит, гнетет и тревожит,
И душа, разгораясь, полна умиленья,
И мятежное сердце томиться не может.

О, свети же нам, месяц, небесным приветом,
Чтобы чаще к тебе поднимались очи.
Жизнь яснее, твоим осиянная светом,
Хоть и мрачен наш мир, хоть темны наши ночи.

Павловск
9 сентября 1888

УВОЛЕН

I

Уволен! Отслужена служба солдата,
Пять лет пронеслись словно день;
По-прежнему примет родимая хата
Его под радушную сень.
Там ждет не дождется жена молодая,
Там ждут и сынишка, и мать...
Малютка-то вырос, отца поджидая,
Пожалуй, его не узнать.
Уж близко теперь: вот знакомые нивы
И речка, и жиденький мост;
Вот церковь белеет, и старые ивы
Склонились на мирный погост;
Вот избы: все снегом пушистым одето —
Овип, огороды, гумно.
И трудно поверить ему, что все это
Покинуто им так давно.

II

Как будто вчера лишь с родной, дорогою
Семьей разлучали его.

Седая старушка дрожащей рукою
Крестила сына своего;
Вся бледная мужу повисла на шею,
От слез надрываясь, жена:
Всего лишь два годика прожил он с нею,
Уж с ним расставалась она.

Покойник отец был испытан годами,
Сурового права мужик,
Но как ни крепился, — не сладил с слезами,
Прощаясь с сыном, старик.
Болезненно сердце заняло тоскою
У нашего парня в груди:
Все счастье, казалось, разбито судьбою,
И горе одно впереди...
Но в горе мужает душа человека:
Кто в жизни бедой закалец,
Тот духом сильнее. Таков уж от века
Нам Богом положен закон.

III

Солдатом он стал Г о с у д а р е в о й роты
В одном из гвардейских полков;
Сначала скучал без обычной работы,
Оторван от сельских трудов.
И шумно, и душно казалось в столице
Ему после тихих полей,
Где рос на свободе он вольною птицей
На родине милой своей.

И долго по ней тосковал он... Но время
И молодость взяли свое, —
Привык, и слюбилось солдатское бремя
И повое это житье.
Товарищей добрых нашлося довольно,
Таких же, как он, молодцов,
От той же отторгнутых жизни привольной,
От жён, матерей и отцов.
Им стала второю семьею та рота,
Сроднил меж собою их полк,
Одна их связала друг с другом забота,
И царская служба, и долг.
Тот долг исполняя во всем терпеливо,
Не ради похвал и наград,
Служил он усердно, исправно, ретиво,
Как служит наш русский солдат.
Веселый и ревностный, бойкий, смышленный
Он с честью носил свой мундир,
И вышел лихой из него отделенный
И возводный потом командир.
Идут ли походом в дни жаркого лета,
И все приуныли в пути,
Он бодр и беспечен, хотя б на край света
Еще приходилось идти.
Дожди ли над лагерем нашим польются,
Тоску наводя на людей,
В палатке его и поют, и смеются,
Хоть вымокли все до костей.
Зимой в долгий вечер в казарме толпою
Солдаты его окружают;

Говарищам книжку прочесть иль простою
Занять их беседой он рад.
Когда ж на покой разойдутся, то волю
Заветным мечтам он дает,
Родных вспоминает, их горькую долю,
И долго очей не сомкнет.
Немного вестей приходило оттуда;
Писали уж с год, что постом
В могилу отца уложила простуда,
И не было писем потом.
Теперь что-то случилось с ними? **Быть может,**
Ему изменила жена?..
И сердце тоска безотчетная гложет,
Душа злой кручины полна..
А время летело; с родными свиданья
Уж близился радостный час,
Стрелюю промчались дни ожидания,
И был он уволен в запас.

IV

И вот, наконец, он на родине милой,
Подходит к деревне родной..
Забилось сердце, и дух захватило,
От радости сам он не свой.
Вот с края деревни знакомая крыша
Приветливо манит к себе;
Все шибче, земли под ногами не слыша,
Бежит он к родимой избе.
И все с каждым шагом растет нетерпенье...

Вот, вот она, хата его!

Но что это значит? В каком разрушении?

Дверь настежь, внутри — никого;
Повыбиты стекла, свалились ворота...

Но что же жены не видеть?

Иль может, нашлась ей какая работа,
А с ней и сынишка, и мать?

И душу тревожит дурная примета...

Спросить бы соседей?.. Но к ним

Идти он боится, страшася ответа,

Предчувствием смутным томим.

Задами, послушный неведомой силе,

Он к церкви неспешной стопой

Идет поклониться отцовской могиле

И думает: тою порою

Вернутся родные...

По кладбищу бродит

Он между могил и крестов;

Легко на одном незнакомом находит

Он надпись из нескольких слов.

У самой ограды под старой сосною

Отец его был схоронен.

И набожно воин, крестясь рукою,

Кладет за поклоном поклон.

Других два креста та сосна осеняла

Угрюмою тенью своей,

И свежая детская чья-то могила

Ютилася тут же под ней.

Случайным, рассеянным взглядом невольнo

Прочел имена он, и вдруг

В глазах помутилось, грудь сжалась так больно,
И выпала шапка из рук.
Опять, пораженный, как грома ударом,
Читает те надписи он, —
Глаза не ошиблись: на службе не даром
Он грамоте был обучен.
И снова не веря, он снова читает
Все те ж роковые слова...
Кручина жестокая сердце терзает,
Поникла на грудь голова.
Ему те надгробные строки сказали,
Что счастье погибло навек:
Что некому высказать лютой печали,
Что лишний он стал человек,
Что тех, кто так дороги были и милы,
Ему не видать никогда,
Что в мире остались ему лишь могилы,
Лишь горе, да злая нужда...
Садилось солнце; зарею вечерней
Румяный зардел небосклон;
Смеркалось... Ударили в церкви к вечерне,
И тихий послышался звон.
Лились, замирая вдали, эти звуки,
Как зов милосердый Того,
Кто дал человеку душевные муки
И в горе утешит его.

Павловск

10 сентября 1888

* * *

Улыбкою утра пригретые слова,
В лесную мы прячемся тень.
Казалось, зима разлучить нас готова, —
Вдруг теплый один еще день.

Осенней красою любуются взоры,
И радость в душе, и печаль:
Нас радужно-пестрые тешат узоры,
И листьев опавших нам жаль.

И сердце о крае незримом мечтает.
Где вечер не ведает тьмы,
Где осени губящей лето не знает,
И где не расстанемся мы.

Павловск
21 сентября 1889

* * *

Ни звезд, ни луны. Небеса в облаках.
Ветер замер. В лесу тишина.
Не дрогнет ни единый листок на ветвях.
Эта почь тайпой неги полна!

Ни слез, ни борьбы, позабыт мир земной,
И одна лишь в душе благодать.
В упоеньи так сладостно с нежной тоской
Этой почь безмолвно внимать!

Она овладела таинственно мной...
Ожидая чего-то стою...
Полновластная ночь, я один пред тобой:
О, поведай мне тайну свою!

Близ станции Белой
2 октября 1889

У ОЗЕРА

(М. Д. Давыдову)

Усталый сын земли, в дни суетных забот,
Средь мелочных обид и светского волненья,
У озера в лесу ищу уединенья.
Не налюбуйешься прозрачной гладью вод:
В ней словно тайная есть сила притяженья.

Не оттого ль меня так к озеру влечет,
Что отражается в струях его порою
Вся глубина небес нетленною красою
И звезд полуночных лучистый хоровод,
И утро ясное румяною зарею,
И светлых облаков воздушная семья?
Не оттого ль, что здесь, хоть и пленен землею
К далеким небесам как будто ближе я?

*Близ станции Белой
5 октября 1889*

* * *

Любовью ль сердце разгорится, —
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится,
Как светом солнца яркость дня?
Люби безмерно, беззаветно,
Всею полнотою душевных сил,
Хотя б любовью ответной
Тебе никто не оплатил.
Пусть говорят: как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь, —
Не верь во лживое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,
Угаснут в срок определенный
Наш мир, а с ним и тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возженный,
Пребудет в вечности веков.

Павловск
10 октября 1889

• • •

П. И. Чайковскому

О, люди, вы часто, меня язвили так больно,
Слезы нередко мои с досады текли,
И все-таки вас люблю я невольно
О, бедные дети земли!

Виновники скорби своей, творите вы влое,
Множа печаль на земле неправдой своей,
Но, если поздней скорбите вы вдвое
Мне жаль вас как малых детей.

И как от души не простить задора ребенка,
Коль не под силу ему гнев затаить?
Хоть больно его колотит ручонка,
Но можно ль дитя не любить!

Павловск
24 октября 1889

* * *

Как пленительно тихо в отцветших полях!
Наша осень полна обаянья:
Сколько прелести в грустных, безжизненных днях
Этой кроткой поры увяданья!

Воздух влажен и свеж, облетают листья,
Тучи кроют лазурь небосвода,
Безответно, безропотно блекнут цветы;
И покорно зимы ждет природа.

Не блаженство ли этой внимать тишине,
Где пред смертью покорность такая?
Так же мирно навеки уснуть бы и мне,
Без напрасной борьбы угасая!

Павловск
30 октября 1889

В ДЕТСКОЙ

Князю Гаевишу Константиновичу

Крошка, слезы твои так и льются ручьем
И прозрачным сверкают в глазах жемчугом.
Верно, няня тебя в сад гулять не ведет?
Погляди-ка в окно: видишь, дождик идет.
Как и ты, словно плачет развесистый сад,
Изумрудные капли на листьях дрожат.
Полно, милый, не плачь и про горе забудь!
Ты головку закинь: я и в шейку и в грудь
Зацелую тебя. Слезы в глазках твоих
Голубых не успеют и высохнуть, в них
Уже веселье блеснет; в пухлых щечках опять
Будут взор мой две мягкие ямки плепать;
И зальешься ты хохотом звонким таким,
Что и сам небосвод синим оком своим
Засияет тебе из-за сумрачных туч,
И сквозь капли дождя брызнет солнышка луч.

Павловск

4 ноября 1889

А. Г. РУБИНШТЕЙНУ
На пятидесятилетие его музыкальной деятельности

Игры упоительной звуки текли.
Мы в нежном восторге внимали.
Все радости неба, все горе земли
Те звуки в себе отражали.

Плепать нас и трогать им было дано:
Пред нами стихали сомненья,
И было так много обид прощено,
И пролито слез умиленья!

О, пусть нас уносит волшебной игрой
Туда, в те надзвездные дали,
Где нет ни вражды, ни тревоги земной,
Ни зла, ни борьбы, ни печали!

Павловск
17 ноября 1889

* * *

Опять томит очарованьем
Благоуханная весна,
Опять черемухи дыханьем
Ее краса напоена.
Нежнозеленою, сквозистой
Оделись дымкою леса,
Струей повеяло душистой,
Лаская, греют небеса.
Мне запах милый и знакомый
Былое в сердце воскресил:
Объятый тайною истомой,
Прилив учуя свежих сил,
Дышу черемухи дыханьем,
Внимаю жадно соловью,
Весь отдаюсь весны лобзаньям
И — очарованный — пою.

Гатчина
4 мая 1890

НА ИМАТРЕ

Ревет и клокочет стремнина седая
И хлещет о звонкий гранит,
И влагу мятежную, в бездны свергая,
Алмазною пылью дробит.
На берег скалистый влечет меня снова.
И любо, и страшно зараз;
Душа замирает, не вымолвить слова,
Не свесть очарованных глаз.
И блеск, и шипенье, и брызги, и грохот,
Иная краса каждый миг,
И бешеный вопль, и неистовый хохот
В победный сливаются клик.
Весь ужаса полный, внимая, гляжу я, —
И манит, и тянет к себе
Пучина, где воды, свирепо бушуя,
Кипят в вековечной борьбе.

10 мая 1890

* * *

Улыбка радостная Мая
И первой ласточки прилет!
Земля цветет, благоухая,
И соловей в саду поет.

Его певучей внемля сказке,
Я в ночь гляжу — не нагляжусь
И словно материнской ласке,
Как нежный сын, ей отдаюсь.

Заря не меркнет. Небосвода
Неугасима глубина.
Благодарю, о, мать-природа!
Как хороша твоя весна!

Павловск
13 июня 1890

В РАЗЛУКЕ
Великой Княгине Елизавете Максимиловне

В тени дубов приветливой семьею
Вновь собрались за чайным мы столом,
Над чашками прозрачную струею
Душистый пар нас обдавал теплом.

Все было здесь знакомо и привычно,
Кругом все те же милые черты.
Казалось мне: походкою обычной
Вот-вот войдешь и сядешь с нами ты.

Но вспомнил я, что ты теперь далеко
И что не скоро вновь вернешься к нам
Подругою моей голубокой
За чайный стол к развесистым дубам!

Павловск
29 июня 1890

* * *

Ах, эта ночь так дивно хороша!
Она томит и нас чарует снова...
О, говори: иль не найдется слова,
Чтоб высказать все, чем полна душа?

В такую ночь нельзя владеть собой,
Из груди сердце вырваться готово!..
Нет, замолчи: что может наше слово
Пред несказанной прелестью такой?

Красное Село
5 июля 1890

* * *

Ночь. Небеса не усеяны звездами:
В свете немеркнущем тонут оне.
Чу! Соловьи залилися над гнездами...
Томно и больно, и трепетно мне...

Вдоволь бы песни послушаться сладостной,
Взором бы в небе тонуть голубом!
Горе забыто душой жизнерадостной:
Ночью ль такой помышлять о земном!

Красное Село
17 июля 1890

* * *

Что за краса в ночи благоуханной!
Мечтательно ласкает лунный свет;
Небесный свод, как ризой златотканной,
Огнями звезд бесчисленных одет.

О, если б там, в стране обетованной,
Где ни забот, ни слез, ни горя пет,
Душе расцвести красою первозданной,
Покинув мир страданий, вол и бед!

Но, может быть, там суждено забвенью
Всего того, чем в нежном умиленью
Здесь на земле пленялася душа?

Нет, будем жить! Хоть скорбью и тоскою
Больная грудь сжимается порою,
Хоть страждем мы, но жизнь так хороша!

Красное Село
23 июля 1890

ПЕРЕД УВОЛЬНЕНИЕМ

В его глазах прочел я скорбь немую,
Лишь он предстал впервые предо мной:
Семью и дом, и сторону родную
Покинул он для жизни боевой.

Прошли года. Всю силу молодую,
Весь рьяный пыл он в долг влагает свой.
Усердие и простоту святую —
Как не любить в солдате всей душой?

И я люблю с отеческой заботой;
Но сжиться он едва успеет с ротой,
Как подойдет срок выслуженных лет.

Я с ним делил и радости, и горе,
А он — печаль в моем прочтет ли взоре,
Которым я взгляну ему вослед?

Красное Село
26 июля 1890

У БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

I

Здесь не видно цветов, гемный лес поредел,
Словно чарам земли здесь положен предел.

Над пустынной, песчаною гранью
Отдаешься здесь воли обаянью.

Глубь небесная, моря безбрежная даль, —
Разве может ничтожная сердца печаль
Обладать просветленной душою
Пред могучею ширью такою?

Сладко взором тонуть в глубине голубой,
Вольно дышится, мир забываешь земной,
Исчезает мгновенное горе,
Как та чайка в лазурном просторе.

Усть-Нарова
25 августа 1890

II

Не вчера ли, о море, вечерней порой
К берегам ты ласкалось лукавой волной?
В алом блеске зари не вчера ли
Небеса голубые сияли?

А сегодня косматой грядую валы,
В грозном беге крутясь у прибрежной скалы,
Бурно рвутся на приступ могучий,
Обгоняя свинцовые тучи.

В битве жизни не так ли и ты, человек,
Терпишь зло и гонимый мятежный набег?
Но не вечны страданья и беды:
Ты дождешься над ними победы.

Верь, улягутся волны и завтра опять
Будут берег любовно и нежно ласкать,
Просветлеют небесные дали,
И рассеются сердца печали.

Вайвара
28 августа 1890

БУДДА

Годы долгие в молитве
На скале проводит он.
К небесам воздеты руки
Взор в пространство устремлен,
Выше туч святому старцу
И отрадней, и вольней:
Там к Создателю он ближе,
Там он дале от людей.

А внизу необозримо
Гладь безбрежная кругом
Разлилась и тихо дышит
На просторе голубом;
Солнце ходит, месяц светит,
Звезды блещут; вокруг скалы
Реют мощными крылами
Над пучиною орлы;

Но красою Божья мира
Муж святой не восхищен:
К небесам воздеты руки,

Взор в пространство устремлен.
Он не слышит, как порою
Грозно воеет ураган,
Как внизу грохочут громы,
И бушует океан.

Неподвижный, цепенея
В созерцаньи Божества,
Над измученною плотью
Духа ждет он торжества,
Ждет безмолвия Нирваны
И забвения всего,
В чем отрада человека
И страдание его.

С той поры, когда свой подвиг
Стал свершать он, каждый год,
Как шумел крылами в небе
Первых ласточек прилет,
Пташка старцу щебетала,
Что опять весна пришла,
И гнездо в иссохшей длани
Безбоязненно вила.

И в руке его простертой,
Средь заоблачных высот,
Много птенчиков крылатых
Выводилось каждый год.
И уж праведнику мнилось,
Что навеки стал он чужд

Упований и желаний,
И земных страстей, и нужд.
Что же ласточек все ждет он
С нетерпением из-за гор?
Разве снег еще не стаял?
Разве года нет с тех пор,
Как последние вспорхнули
И, простясь с родным гнездом,
Белорудые, в тумане
Потонули голубом?

И о них воспоминанья
Отогнать не может он.
Для того ль он мир покинул,
Звал забвенья вечный сон,
Заглушал борьбою с плотью
Всякий помысел земной,
Чтобы птички милолетней
Ждать с ребяческой тоской?

Иль не все еще живое
Страшный подвиг в нем убил?
Или тщетно истязанье?
Или... Чу! Не шум ли крыл?
Он глядит: в лучах восхода
Мчится с дальней стороны
Стая ласточек, — все ближе
Провозвестницы весны,

Ближе!.. Но к нему не вьется
Ни единая из них...
Стая, мимо уплывая,
Тонет в безднах голубых...
И у праведника, руки
Простирающего к ней,
Слезы градом полилися
Из померкнувших очей.

Гатчина

8 декабря 1891

* * *

За день труда, о, ночь, ты мне награда!
Мой тонет взор в безбрежной вышине,
Откуда ты глядишься в душу мне
Всей красотой петленного наряда.

В сиянии твоём — что за услада,
И что за мир в отрадной тишине!
Я признаю в сердечной глубине
Власть твоего чарующего взгляда.

Цари, о, ночь, и властвуй надо мной,
Чтоб мне забыть о суете земной,
Пред тайною твоей изнемогая,

И, немощным восхитив к небесам,
Окрепнувшим верни, о, неземная,
Меня земле, к заботам и трудам!

Контрксевиль

18 мая 1892

У МОРЯ В ГЕНУЕ

I

Пред этой ширью необъятной,
О, как душа восхищена!
Она и грусти непонятной,
И тихой радости полна.

О, словно немощное наше,
Как бедно ты! И тем бедней,
Чем Божий мир пред нами краше,
И чем мы чувствуем живей.

В тоске, в томлении бессилья
Пред несказанной красотой
Хотелось бы расправить крылья
И утонуть в лазури той.

30 сентября 1895

II

Что за краса! Что за простор!
Нет, море, ты — невыразимо!

Плененный утопает взор
В лазури вод необозримой.
Гляжу — не нагляжусь... Твой вид
Захватывает дух невольно:
Душа и рвется, и горит,
Ей как-то сладостно и больно.
О, если б можно было ей
Умчаться птицею морскою
От скал прибрежных и камней
И слиться с далью голубою, —
Страхнув и прах, и тлен земли,
И жизни бремя, без усилья
Она расправила бы крылья
И утонула в той дали!

1 октября 1895

* * *

Зарумянились клен и рябина,
Ярче золота кудри берез,
И безропотно ждет георгина,
Что спалит ее первый мороз.

Только тополь да ива родная
Все сдаваться еще не хотят
И, последние дни доживая,
Сохраняют зеленый паряд.

И, пока не навяло снега
Ледяное дыханье зимы,
Нас томит непонятная нега,
И печально любимемся мы.

Но промчалось лето с весною,
Вот и осени дни сочтены...
Ах, уж скоро мы с этой красою
Распростимся до новой весны!
Павловск
Осенью 1897.

* * *

Багряный клен, лиловый вяз,
Золотистая береза...
Как больно в сердце отдалась
Мне красок осени угроза!

Природы радужный наряд
И блеск, и роскошь увяданья
С покорной грустью говорят,
Что уж близка пора прощанья.

Прощанья с летом и теплом,
И липы блеклыми листьями,
Что, золотым опав дождем,
Шуршат в аллее под ногами.

И с вашей яркою красой,
Береза, клен и вяз лиловый,
До дней, когда вы жизни новой
Дождетесь новою весной.

Павловск

23 сентября 1898

КАНТАТА НА СТОЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Мы многолюдною толпою
Сошлись здесь на торжество
Единодушною семьею
Сегодня чествовать того,
Кто в этот день веселый мая,
Тому назад уже сто лет,
Невинной прелестью пленяя,
Узрел впервые Божий свет.

У этой тихой колыбели
Кто угадать бы мог вперед,
К какой высокой, славной цели
Судьба младенца поведет?
Дитя крылами осеняя,
Быть может, ангел напевал
Ему святые песни рая
И грезы неба навевал.
Миров надзвездных откровеньям
Немолчно вторил мир земной,
И все дышало восхищеньем,
Завороженное веспой.

Дитя воспели щебетаньем
Птиц перелетных голоса
И воды вешние — журчаньем,
И листьев шелестом — леса.
То пенье смутно раздавалось
В душе младенца как во сне:
В ней словно таинство свершалось,
И зрели песни в тишине.

Прошли младенческие годы.
Клад этих звуков, этих грез
Сквозь жизни бури и невзгоды
Певец в душе своей пронес.
Его уж нет, — но дивных песней
Не позабыть сердцам людей:
Они звучат им все прелестней
и все их трогают живей.

* * *

От забот земли упылой,
От тревог и суеты
Нас неведомою силой
В вихре песен уносило
В неземные высоты:
Сколько радостных мгновений
Подарил ты нам, поэт!
Сколько чистых наслаждений,
Сколько радужных видений
И какой небесный свет

Сладкозвучным роем песен
Пролил ты в сердца людей!

Как могуч, как бестелесен,
Как божественно чудесен
Мир поэзии твоей!

Вечно, славный без сравненья,
В сердце нашем ты живи!
И тебе мы в умиленьи
Платим дать благодаренья,
Дань восторга и любви.

Петербург
14 февраля 1899

* * *

Княгине С. Н. Голицыной

Родного севера картина:
Полей зеленых предо мной
Необозримая равнина
И церковь Божья над рекой.

Кругом, что ни обнимут взоры,
Жилья далеко не видать;
Луга, овраги, лес и горы,
Простор, раздолье, — благодать!

Как веют на сердце целебно
И этот мир, и тишина!
И песнью радостно хвалебной
Опять душа моя полна.

Стрельна
25 мая 1899.

ПОЛК

Наш полк! Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой в строю.
Другим оно старо, для нас — все так же ново
И знаменует пам и братство, и семью.

О, знамя ветхое, краса полка родного,
Ты, бранной славою венчанное в бою!
Чье сердце за твои лоскутья не готово
Все блага позабыть и жизнь отдать свою?

Полк учит нас терпеть безропотно лишения
И жертвовать собой в пылу святого рвенья.
Все благородное: отвага, доблесть, долг,

Лихая удадь, честь, любовь к отчизне славной,
К великому Царю и вере православной
В едином слове том сливается: паш полк!

Красное Село
31 мая 1899

* * *

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помилował Господь.

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

Красное Село
10 июня 1899

* * *

О, как люблю я этот сад тенистый!
Со мною здесь лишь птицы да цветы.
Беспечно я вздыхаю воздух чистый
Здесь, вдалеке от светской суеты.

Как я им рад, певцам крылатым неба,
Когда, слетясь доверчивой семьей,
Клюют они, порхая, крошки хлеба,
Что любящей им сыплю я рукой!

А вы, питомцы северного лета, —
Цветы мои, — я каждого из вас,
Лишь расцветет, улыбкою привета
Люблю встречать, счастливый всякий раз.

О, милый сад, приют отдохновенья,
Приветливой и мирной простоты!
Ты мне даришь часы уединенья, —
Со мною здесь лишь птицы да цветы.
Красное Село
19 июня 1899

* * *

Люблю, о, ночь, я погружаться взором
В безоблачность небесной глубины.
Какая чистота! Как с вышины
Ласкаешь ты лазоревым убором!

Ты так светла, что меркнет лик луны,
Пустыней горнею плывя дозором,
И сонмы звезд бледнеющим узором
Двойной зари сияньем спалены.

О, нежная, прозрачно-голубая!
Гляжу, с тебя очей не отрывая,
Лицом к лицу пред тайною твоей.

Дай от тебя, о, почь, мне научиться
Средь дольней тьмы душою становиться,
Как ты сама, все чище и светлей!

Повгород
21 июня 1899

* * *

Нет, не туда, о, ночь, в пленном созерцанье
Взор устремляется, где в ризе золотой,
В огнях и пурпуре сокрылся царь дневной,
Багряным заревом пылая на прощанье.

Усталые глаза хотят красы ипой:
Там, у тебя они найдут очарованье,
Где кротко теплится нетленное сиянье
И млеет ясною и томной синевою.
От рубежа небес с его зарей огнистой
Я очи возвожу к твоей лазури чистой
И признаю меж нас таинственный союз.

Тебе, о, ночь, тебе, царице светозарной,
С восторгом радости, с молитвой благодарной
Я умиленно душою отдаюсь!

Стрельна
4 июля 1899

ЧЕРНОГОРИЯ

Посвящается Князю Николаю

О, Черногория! Чьи взоры
Не очаруют, не пленят
Твои заоблачные горы
И бездны пропастей? Чей взгляд
Не залюбуется красою
Сынов воинственных твоих,
Лиц загорелых прямою
И одеяньем дней былых?
Вы, откровенные улыбки
И чернота правдивых глаз,
И стан осанистый и гибкий,
Кто не засмотрится на вас?
Какая стройность, что за плечи!
Как поступь гордая легка!
Как русский слух ласкают речи
Полуродного языка!
О, Черногория! Невольно
Благоговеешь пред тобой,
И сердцу сладостно и больно
С твоей знакомиться судьбой.
Со дня, как средь Коссова поля

В честном бою схоронена
Славян утраченная воля,
Три целых века ты одна
Блюла на изумленье света
Свободу родины своей;
Противу полчищ Магомета
Держалась горсть богатырей.
Дожд и Калиф забыли споры;
Сковав кольцо несметных сил,
Они твои сдавили горы;
Тебе конец уж приходил.
Венецианский Лев лукавый
Запес уж лапу над тобой,
Тебе готовил пир кровавый
Стамбул, увенчанный луной.
Но мощною тебя десницей
Великий Петр оборонил
И царственною багряницей
От злых насильников прикрыл.
Шли годы... Как в былое время
За волю билось с Чалмой
Юнаков доблестное племя...
И пал над бездною морской
Крылатый Лев святого Марка.
Уж твой, казалось, к морю **путь**
И свежесть волн лазури **яркой**
Вдохнет израпенная грудь.
В ту пору чуждые народы
Русь избавляла от цепей,
Мы блага мира и свободы

Им расточали все щедрей;
И только братья соплеменной
Единоверная страна
Державе алчной и надменной
В угоду нами ж отдана...
Где кровь твоя лилась ручьями,
В сердца твоих прибрежных сел
Вцепился жадными когтями
Двуглавый Австрии Орел...

Но близок день освобожденья!
Сознав грехи былых годов,
Их промахи, их заблужденье,
Мы сбросим гнет твоих оков.
Недаром с высоты Престола
Был голос Белого Царя
И грому вещего глагола
Внимали суша и моря.
Недаром голос Государя
Вещал грядущему в завет,
Что черногорцев Господаря
У нас вернее друга нет.
Свети же нам во мрак сознанья
Все ярче, царственный глагол.
Лишь на вершинах гор сиянье,
Еще во тьме глубокий дол.

О, запылай и над равниной
Объединенная заря!
Славянство, слейся воедино,
Любовью братскою горя!

Цетинье-Петербург
23 июля 1899

В ГОРАХ ГАСТЕЙНА

Главой вечанною снегами
Как высоко, громада гор,
Ты вознеслася над долами
В недостижимый простор!

Что перед мощью горделивой
Твердыни царственной твоей
В борьбе тревожно суетливой
Заботы жалкие людей?

Душой из дольного я мира
Стремлюся в эти высоты,
Обитель отдыха и мира,
Приют нетленной чистоты.

Берлин
12 июля 1900

* * *

Тихая, теплая ночь. — Позабудь
Жалкие нужды земли.
Выйди, взгляни: высоко Млечный путь
Стелется в синей дали.

Что перед светлою звездной стезей
Темные наши пути?
Им, ознакомленным с ложью людской,
Неба красой не цвести.

Глаз не сводил бы с лучистых высот
— Выйди, зову тебя вновь:
В небо взглядишь, отрешись от забот,
К вечности душу готовь.

Павловск
22 августа 1900

* * *

Не только тем велик и дорог он,
Что бранной славой жизнь его богата,
И что нигде он не был побежден —
Нет: всрой в родину была объята

Его душа; той верою силен
Он полюбить умел меньшого брата,
И светлый образ русского солдата,
Наш чудо-богатырь в нем воплощен.

Молитвою готовился он к бою
И, глазомер венчая быстротою
И патиском, врага шел поражать.

Сразив, его щадил он милосердно:
Вот отчего Россия чтит усердно
Создателя Науки побеждать.

*Мраморный дворец
23 декабря 1900*

* * *

Последней стаи журавлей
Под небом крики прозвучали.
Сад облетел. Из-за ветвей
Сквозят безжизненные дали.

Давно скосили за рекой
Широкий луг, и сжаты пивы.
Роняя листья, над водой
Грустят задумчивые ивы.

В красе нетронутой своей
Лишь озимь зеленеет пышно,
Дразня подобьем вешних дней...
— Зима, зима ползет неслышно!

Как знать: невидимым крылом
Уж веет смерть и надо мною...
О, если б с радостным челом
Отдаться в руки ей без бою;

И с тихой, кроткою мольбой,
Безропотно, с улыбкой ясной
Угаснуть осенью безгласной
Пред неизбежною зимой!

Козельский уезд
1 октября 1901

ВЕСНОЙ

Д. А. Маринову

Вешние воды бегут... Засиневшее
Небо пригрело поля.
Зимнее горе, давно наболевшее,
Выплакать хочет земля.
Зори полночные, негою томною
Млея, гоните вы прочь
Тысячезвездную, холодно-темную
Долгую зимнюю ночь.
Ласточки, жаждой свиданья влекомые,
Милые дети весны,
Нам вы, вернувшись в гнезда знакомые,
Счастья навесете сна.
Яблоня, снег отряхнув, белоснежную
Ризой цветов убрана;
О, как пленительна свежестью нежною,
Как благовонна она!
Грей ты нас, солнце, сияй ослепительно
Стуже на смену и тьме;
Дай насладиться весной упоительной,
Дай позабыть о зиме.

Мраморный дворец

4 мая 1902

У ВЗМОРЬЯ

Ты безмолвно, затихшее море,
Ты безбрежен, привольный простор.
Как от шумного, тесного света
Здесь и слух отдыхает, и взор!

Но надолго ли это затишье,
И всегда ли ясна эта даль?
Как и в сердце, живут, чередуясь,
В мире радость и злая печаль.

Миг — и море взревет, даль померкнет,
Волны яростно ринутся в бой,
И под черною тучей белая
Крылья чайки заспорят с грозой.

Ты не та же ли чайка, о сердце?
Долго ль тишью пленяться тебе?
Грянет гром, разбушует буря —
Будь готово к отважной борьбе.

Стрельна

19 июня 1902

* * *

Бывают светлые мгновенья!
Земля так несравненно хороша!
И неземного восхищенья
Полна душа.

Творцу миров благоуханье
Несет цветок, и птица песнь дарит!
Создателя Его созданье
Благодарит.

О, если б воедино слиться
С цветком и птицей, всей землей,
И с ними, как они, молиться
Одной мольбой;

Без слов, без думы, без прошенья
В восторге трепетном душой гореть
И в жизнерадостном забвеньи
Благоговеть!

Стрельна
2 июля 1902

ПОЭТУ

Служа поэзии святой,
Благоговейно чти искусство;
Ему отдайся всей душой,
Дари ему и ум, и чувство.

Будь верен долгу своему
И, гордый званием поэта,
Преследуй песнью ложь и тьму
Во имя истины и света.

На лад возвышенный настрой
Свою божественную лиру,
О небесах немолчно пой
Их забывающему миру.

Во зле лежит он искони,
Но люди жаждут обновленья —
К добру и правде их мани
Могучей силой песнопенья.

Пой о любви толпе людской,
Пой величаво, вдохновенно,
Священнодействуя смиренно,
Перед поэзией святой.

*Мраморный дворец
12 января 1904*

* * *

Она плывет неслышно над землею,
Безмолвная, чарующая ночь;
Она плывет и манит за собою
И от земли меня унесит прочь.

И тихой к ней взываю я мольбою:
— О, ты, небес таинственная дочь!
Усталому и телом, и душою
Ты можешь, бестелесная, помочь.

Умчи меня в лазоревые бездны:
Свой лунный свет, свой кроткий пламень звездный
Во мрак души глубокий зарони;

И тайною меня обвеяв чудной,
Дай отдохнуть от жизни многотрудной
И в сердце мир и тишину вдохни.

Мраморный дворец
19 сентября 1904

ПОРТ-АРТУРЦАМ

Среди громов и молний бури бранной
Твердыни вы незыблемый оплот.
Смерть, в очи вам глядяся непрестанно,
Борцам венцы бессмертия плетет.

О, страстотерпцы! Мукой песказанной
Запечатлен осады грозный год...
За ужасы лишений и невзгод
Блеснет ли вам свободы день желанный?

Вы потерпеть готовы до конца;
Богатырей в вас ожили сердца
С их мужеством, отвагою и рвением.

России слава, гордость и любовь,
За подвиг ваш, страдания и кровь
Мы скорбью платим вам и восхищеньем.

*Псков
8 декабря 1904*

* * *

Угасло дитя наше бедное
В расцвете младенческих дней;
Все грезится личико бледное
Мне милой малютки моей.

Черты ее детски прекрасные
Не детскую думу таят,
А светлые, чистые, ясные
Смежилися очи; их взгляд

Со строгостью, с грустью блаженною
Как будто вовнутрь устремлен,
Лазурь созерцающая нетленную
И ангельских сил легнон.

Над гробом малютки склоненные,
На милые глядя черты,
Горюем мы, тайной плененные
Небесной ее красоты;

И плачем, бояся рыданьями
Смутить этот сон гробовой
Стяжавшей земными страданьями
Бессмертия вечный покой.

Павловск

10 марта 1906

ЗИМОЙ

О, тишина
Глуши безмолвной, безмятежной!
О, белизна
Лугов под пеленою снежной!
О, чистота
Прозрачных струй обледенелых!
О, красота
Рощ и лесов заипдевелых!
Как хороша
Зимы чарующая греза!
Усни, душа,
Как спят сугробы, пруд, береза...
Сумей понять
Природы строгое бесстрашие:
В нем — благодать,
Земное истинное счастье.
Светлей снегов
Твои да будут сновиденья
И чище льдов
Порывы сердца и стремленья.
У ней учись,
У зимней скудости прелестной
И облекись
Красою духа бестелесной.

Павловск

18 марта 1906

* * *

Какой восторг! Какая тишина!
 Благоуханно почи дуновение;
 И тайною истомой усыпления
 Природа сладостно напоена.

Тепло... Сияет кроткая луна...
 И очарованный, в благоговенье
 Я весь объят расцветом обновенья,
И надо мною властвует весна.

Апрельской ночи полумрак волшебный
 Тебя, мой стих мечтательно-хвалебный,
 Из глубины души опять исторг.

Цветущую я созерцаю землю
 И, восхищен, весне и почи внимаю...
 Какая тишина! Какой восторг!

Павловск
21 апреля 1906

* * *

Твой нам песни дороги и милы;
Сильна их власть над русскою душой.
Высок и чист их величавый строй
То радостный, то ласково-унылый.

Твой голос нам из сумрака могилы
Звучит донныне ясный и живой:
Он нам поет, как шел на смертный бой
Руслан вослед утраченной Людмилы;

Как принял смерть Сусанин от врагов,
Жизнь за Царя бесстрашно отдавая
В пемой глуши средь Костромских лесов.

И «Славься» твоего хвала родная
Гремит поднесь под звон колоколов
По всей Руси от края и до края.

Стрельна
22 августа 1906

СНЕГ

Падай, падай снег пушистый,
Расстилайся пеленой.
Падай, легкий, падай, чистый,
Землю зябнущую край.

Заметая дали мглою,
Всякий цвет, отлив и тень
Непорочной белизною
Словно саваном одень.

И безвучной, и бесцветной,
И безжизненной порой
Дай природе безответной
Мир и отдых, и покой;

Чтобы забыться ей, зимою
Усыпленной до весны,
Чтобы грезились тобою
Ей навеянные сны;

Чтоб копилась в ней сила
На иное бытие,
И с весною воскресила
Тайна творчества ес.

Павловск
12 января 1907

* * *

Блаженны мы, когда идем
Отважно, твердою стопою
С неунывающей душою
Тернистым жизненным путем;

Когда лукавые сомненья
Не подрывают веры в нас,
Когда соблазна горький час
И неизбежные паденья
Нам не преграда на пути,
И мы, восстав, прах отряхая,
К вратам певедомого края
Готовы бодро вновь идти;

Когда не только дел и слова,
Но даже мыслей чистоту
Мы возведем на высоту,
Все отрешаясь от земного;

Когда к Создателю, как дым
Кадильный, возносясь душою,
Неутомимую борьбою
Себя самих мы победим.

Иматра
1 августа 1907

НА ИМАТРЕ

Над пенистой бурной пучиной
Стою на крутом берегу,
Мятежной люблюсь стремниной
И глаз оторвать не могу.

Нависшими стиснут скалами,
Клокочет поток и бурлит;
Сшибаются волны с волнами,
Дробясь о недвижный гранит.

И рвутся, и мечутся воды
Из камня гнетущих оков,
И молит немолчно свободы
Их вечный неистовый рев.

О, если б занять этой силы,
И твердости здесь почерпнуть,
Чтоб смело свершать до могилы
Неведомый жизненный путь;

Чтоб с совестью чистой и ясной,
С открытым и светлым челом
Пробиться до цели прекрасной
В бореньи с неправдой и злом.

Имагра
5 августа 1907

* * *

О, если б совесть уберечь,
Как небо утреннее, яспой,
Чтобы непорочностью бесстрастной
Дышало дело, мысль и речь!

Но силы мрачные не дремлют,
И тучи — дети гроз и бурь —
Небес приветную лазурь
Тьмой непроглядною объемяют.

Как пламень солнечных лучей
На небе тучи заслоняют —
В нас образ Божий затемняют
Зло дел, ложь мыслей и речей.

Но смолкнут грозы, стихнут бури
И — всепрощения привет —
Опять заблещет солнца свет
Среди безоблачной лазури.

Мы свято совесть соблюдаем,
Как небо утреннее, чистой
И радостно тропой тернистой
К последней пристани придем.

Стрельна
21 августа 1907

К ОСЕНИ

Роковая, неизбежная,
 Подползла, подкралась ты,
О, губительница нежная
 Милой летней красоты!
Обольстительными ласками
 Соблазнив и лес, и сад,
Ты пленительными красками
 Расцветила их наряд.
Багрянницей светозарною
 Ты по-царски их убрав,
Сдернешь прихотью коварною
 Ризу пышную дубрав.
Но пока красы обманчивой
 Не сорвала ты с лесов,
Сколько прелести заманчивой
 В этой радуге цветов!
Скоро с кротостью печальною
 В увяданья тихий час
Сад улыбкой нас прощального
 Подарит в последний раз.
И с порою грустью веющей
 Я безропотно мирюсь
И природе вечереющей
 Побежденный отдаюсь.

*Павловск
30 сентября 1907*

ОРИАНДА

Я посетил родное пепелище —
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья
Я пережил блаженные мгновенья.

Тогда еще был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовопный
Средь диких скал на берегу морском;
Под портиком фонтан неугомный
Во мраморный струился водоем,
Прохладой в зной лаская полуденный,
И виноград, вивясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.

А пыле я брожу среди развалин:
Обрушился балкон; фонтан разбит;
Обломками пол каменный завален;

Цветы пробились между звонких плит;
Глицинией, беспомощно печален,
Зарос колонн развенчаный гранит;
И мирт, и лавр, и кипарис угрюмый
Вечнозеленою объята думой.

Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь.
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вздохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я плененною душой.

Орианда-Вильдунген
10 августа 1908

КАДЕТУ

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьей,
Гордися ей принадлежать душой.
Ты не один: орлиная вы стая.

Настанет день, и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края!

Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцветала!
Ей нужны труд и знанье, и усилья.

Пуškai твои растут и крепнут крылья,
Чтоб мог и ты, святым огнем горя,
Стать головой за Русь и за Царя.

Воронеж-Вольск
11 марта 1909

НА 25-ЛЕТИЕ ИЗМАЙЛОВСКОГО ДОСУГА

Робко мы в храме огонь возжигали
С жертвой смиренной своей,
Не проникая туманьные дали
Жречества будущих дней.

Лиру и меч мы сплетали цветами
И не гадали о том,
Как наш алтарь разгорится с годами
Светлым и жарким огнем.

Вам завещаем мы наше служенье:
Старым пора на покой,
Юное, полное сил поколенье
Пусть нас заменит собой.

О, да не гаснет наш пламень заветный,
Бережно вами храним!
Пусть он пылает отраднѣй, приветнѣй,
Пусть озаряются им

Долго Досуги! Дверь храма родного
 Двадцать пять лет отперта;
Нам ее отперли эти три слова:
 Доблесть, добро, красота.

Павловск
2 ноября 1909

* * *

Еще и марта нет, а снег
Уж тает, обнажая землю.
Я вешних вод веселый бег
Опять, обрадованный, внемлю.

Струи взломали хрупкий лед,
Грачи обратно прилетели...
Пройдет еще две-три недели —
И мир воскреснет, зацветет.

Пригрей, о, солнце, землю лаской
Твоих живительных лучей
И оживи весной сказкой
Глухую мертвенность полей!

Зазимовавшею душою
Пора очнуться ото сна:
Добра и света дай, весна,
И мне в борьбе со злом и тьмою!

Павловск

28 февраля 1910

ОСТАШЕВО

Люблю тебя, приют уединенный!
Старинный дом над тихою рекой
И белорозовый, в ней отраженный
Напротив сельский храм над крутизной.
Сад незатейливый, но благовонный,
Над цветом липы пчел гудящий рой;
И перед домом луг с двумя прудами,
И островки с густыми тополями.

Люблю забраться в лес, поглубже в тень;
Там, после солнцем залитого сада,
Засушным летом, в яркий знойный день
И тишина, и сумрак, и прохлада...
Люблю присесть на мхом обросший пенек
Среди зеленой тьмы что за отрада,
Когда в глаза сверкнет из-за дерев
Река, зеркальной гладью заблестев!

Под ельника мохнатыми ветвями
Тайственный, суровый полумрак.
Ковер опавшей хвои под ногами;

Она мягка и заглушает шаг.
А дальше манит белыми стволами
К себе веселый, светлый березняк
С кудрявою, сквозистою листвою
И сочною, росистою травою.

Схожу в овраг. Оттуда вверх ведет
Ступенями тропа на холм лесистый;
Над нею старых елей мрачный свод
Навис, непроницаемый, ветвистый,
И потайной пробился в чаще ход.
Там аромат обдаст меня смолистый.
В густой тени алсует мухомор
И белый гриб украдкой дразнит взор.

Другой овраг. Вот мост желтеет новый,
С него взберусь опять, на холм другой,
И прихожу, минуя бор сосновый,
К отвесному обрыву над рекой.
Мне видны здесь: отлив ее свинцовый,
Далекий бег и заворот крутой,
Простор и гладь, и ширь, и зелень луга
Прибрежного напротив полукруга.

А вдалеке на берегу наш дом
С колоннами, классическим фронтоном,
Широкой лестницей перед крыльцом,
Двумя рядами окон и балконом.
— Смеркается. Малиновым огнем
Река горит под алым небосклоном.

Уж сгонек между колонн в окне
Из комнаты моей сияет мне.

Домой, где ждет пленительный, любимый
За письменным столом вседневный труд!
Домой, где мир царит невозмутимый,
Где тишина и отдых, и уют!
Лишь маятник стучит неумолимый,
Твердя, что слишком скоро дни бегут...
О, как душа полна благодаренья
Судьбе за благодать уединенья!

Осташево
20 августа 1910

ВРЕМЕНА ГОДА

Д. Н. Кайгородову

О, радость утра ясного весной!
Ты ласточек навеяна крылами.
Вы, незабудки, споря с небесами,
Так празднично убрались бирюзой.

О, летний день! Сияя над землей,
Ты теплыми даришь ее лучами
И мака знойными во ржи цветами
И жаворонка песней заливной.

О, золотистость осени печальной!
Скорбь увяданья, грусти красота
И журавлей отлет зарей прощальной.

О, зимней ночи жуть и нагота!
Зловещий ворон в белизне хрустальной
И лунный свет, и глушь, и немота...

Симбирск — Москва
28 октября 1910

ЮНКЕРУ

Ты — что рассвета вешняя заря:
Минула почь, до дня еще далеко,
Как утра блеск твое сияет око,
Решимостью и удалью горя.

Мир тесен для тебя: вдаль за моря
Стремишься ты, за облака высоко,
И рад сражаться с недругом жестоко
За родину, за веру, за Царя.

Повеет лето за весной прекрасной,
О, встреть его, храня душою ясной
Отвагу, доблесть, мужество и честь;

Чтобы закатом осени холодной
До зимней тьмы стезею благородной
Светильник правды и добра допесть.

Полоцк
6 декабря 1910

ВЕРЕ РУДИЧ

Вестью о солнце и милой весне
В душу нежданно повеяло мне.
Рад я ответить на стих твой певучий
Откликом чуткого сердца созвучий.
Шлешь мне волшебною силой стихов
Ты позабудки средь зимних снегов.
О, если б легкими песни крылами,
Добрыми, чистыми мог я стихами
Тихо, незримо паря пад тобой,
Сердцу навеять и мир, и покой!

Павловск

26 февраля 1911

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Никоничев. «Вестник света» и «Бесы» русской литературы	3
Стихотворения К. Р. (сост. Ю. Никоничева и Е. М. Панфиловой)	21
«Задремали волпы...»	23
Прощание с Неаполем	23
Псалмопевец Давид	24
«Земля пробудилась от долгого сна...»	26
«Поймете ль вы те чудные мгновенья...»	27
Ты победил, Гагяплянни!	29
Подпись к картине	30
«Опять снизошло на меня вдохновенье...»	31
Отдохни	32
Письмо	34
«Умолкли рыдания бури кипучей...»	36
Сфинкс	37
Подпись в Евангелие	39
«Я баловень судьбы...»	40
Из «Писем про алые цветы»	42
Из Апокалипсиса	44
«Я вам не правлюсь...»	45
«Давно забытая под слоем пыли...»	46
«Повеяло черемухой...»	47
Великой княгине Елизавете Маврикьевне	48
Великой княгине Елизавете Федоровне	49
Измайловский Досуг	50
«Затишье на море...»	51
«На площади Святого Марка...»	52
«Растворил я окно...»	54
«Распустилась черемуха в нашем саду...»	55
«Я не могу писать стихов...»	56
«Нет! Мне не верится...»	57
Перед Сикстинской мадонной	58
Рафаэль Санцио	59
«Отцветает сирень у меня под окном...»	60
«Тебя преследует людская злоба...»	61
«Вчера мы ландышей нарвали...»	62
«Блажен, кто улыбается...»	63
Умер	65
«Когда, провидя близкую разлуку...»	69
На пороге жизни	70

«Уж скоро стает снег...»	71
В дежурной палатке («Гаснет день...»)	73
Молитва	74
«Садик запущенный, садик заглохший...»	75
«Помнишь ли ты, как бродили мы по полю...»	77
«Пронеслись мимолетные грезы...»	79
12 октября 1886	80
Розы	81
А. Н. Майкову, в ответ на его письмо с новыми стихотворениями	83
Колыбельная песенка	84
А. А. Фету	86
Я. П. Полонскому, на 50-летний юбилей его писательской деятельности. 10 апреля 1887	87
«Ты в жизни скорби и мучений...»	88
«Озеро светлое, озеро чистое...»	89
Письмо к товарищу	90
Колокола	97
Письмо к дежурному по полку	98
Вдовцу	104
«Когда меня волной холодной...»	105
«Сперва, обуянный гордыней слепою...»	106
И. А. Гончарову	107
«Не говори, что и небесам...»	108
«Прошла зима...»	109
А. Н. Майкову, на 50-летний юбилей его писательской деятельности. 30 апреля 1888	110
«Меня бранят, когда жалею...»	111
Поэту («Пусть гордый ум вещает миру...»)	112
В дежурной палатке («Снова дежурю я в этой палатке...»)	113
Сирень	114
«На балконе, цветущей весной...»	115
В дождь	116
Летом	117
«О, не гляди мне в глаза так пылливо!...»	119
«Говорят мне...»	120
В ночи	
I. Звезды	121
II. Месяц	122
Уволеп	123
«Улыбкою утра пригретые снова»	129
«Ни звезд, ни луны...»	130
У озера	131
«Любовью ль сердце разгорится...»	132
«О, люди, вы часто меня язвили так больно...»	133

«Как пленительно тихо в ответщх полях!..»	134
В детской	135
А. Г. Рубинштейну	136
«Опять томит очарованьем...»	137
На Иматре («Ревет и клокочет стремнина седал...»)	138
«Улыбка радостная Мая...»	139
В разлуке	140
«Ах, эта ночь как дивно хороша!..»	141
«Ночь. Небеса не усеяны звездами...»	141
«Что за краса в ночи благоуханной!..»	142
Перед увольнением	143
У Балтийского моря	
I. «Здесь не видно цветов...»	144
II. «Не вчера ли, о, море, вечерней порой...»	145
Будда	146
«За день труда, о, ночь, ты мне награда!..»	150
У моря в Генуе	
I. «Пред этой ширью необъятной...»	151
II. «Что за краса!..»	151
«Зарумянились клен и рябина...»	153
«Багряный клен, лиловый вяз...»	154
Кантата на столетие со дня рождения А. С. Пушкина	155
«Родного севера картина...»	158
Полк	159
«Когда креста пести нет мочи...»	160
«О, как люблю я этот сад тенистый!..»	161
«Люблю, о, ночь, я погружаться взором...»	162
«Нет, не туда, о, ночь, в плененном созерцанье...»	163
Черногория	164
В горах Гастейна	168
«Тихая, теплая ночь...»	169
«Не только тем велик и дорог он...»	170
«Последней стаи журавлей...»	171
Весной	173
У взморья	174
«Бывают светлые мгновенья...»	175
Поэту («Служа поэзии святой...»)	176
«Она плывет неслышно над землею...»	178
Порт-Артурцам	179
«Угасло дитя наше бедное...»	180
Зимой	182
«Какой восторг!..»	183
«Твои нам песни дороги и милы...»	184
Снег	185
«Блаженны мы, когда идем...»	187

На Иматре («Над пенистой бурной пучиной...»)	189
«О, если б совесть уберечь...»	190
К осени	191
Орианда	192
Кадету	194
На 25-летие Измайловского Досуга	195
«Еще и марта нет, а снег...»	197
Осташево	198
Времена года	201
Юнкеру	202
Вере Рудич	203

Константин Константинович Романов

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор С. В. Дудченко
Художник И. О. Владимиров
Технический редактор Т. В. Владимирова
Корректор М. В. Зубавина

Сдано в набор 15.04.91 г. Подписано в печать 28.05.91 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 6,08. Усл. кр.-отт. 6,08.
Уч. изд. л. 5,12. Тираж 75 000 экз. Заказ 304. Цена 7 руб. 00 коп.

Литфонд РСФСР

Совместно с кооперативом «Детектив»
ИПЦ «Крутицкий», 109044, Москва, Крутицкий вал, 18.
Типография ИПО Профиздат
109044, г. Москва, Крутицкий вал, д. 18.